

АЛЕКСАНДР
ЭРМЕС

КОЩЕЕВ НАСЛЕДНИК

МОГИЛА ДЛЯ БЕССМЕРТНОГО

Александр Эрмес

**Кошечев Наследник.
Могила для бессмертного**

«Автор»

2026

Эрмес А.

Кошечев Наследник. Могила для бессмертного / А. Эрмес —
«Автор», 2026

Лука Могильник собирался купить хорошие сапоги. Вместо этого похоронил Кошея Бессмертного. Кошей оказался настоящим. И по-настоящему мёртвым. Вот только вместе с последней горстью земли Луке достался След — чёрная нить, предупреждающая о смертельной опасности. Теперь за наследием Кошея охотятся княжеские ловчие. А самого Луку, похоже, считают частью добычи. Ещё вчера он мастерил гробы, спорил с домовым и считал последние медяки. Сегодня учится владеть мечом, заключает сделки с древними хозяевами дорог и пытается переиграть охотника, который не привык проигрывать. Впереди — живые мосты, Баба-яга, железные стражи, опасные поединки и крепости, где за тепло расплачиваются чужими годами жизни. К счастью, рядом есть упрямый богатырь, неугомонный товарищ и копейщица, которая дерётся лучше Луки — и сама выбирает, с кем идти дальше. Кошей был бессмертным. Лука пока нет. Но уступать свою жизнь чужим хозяевам он не собирается.

© Эрмес А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Неизвестный покойник.	5
Глава 2. Чёрная нить	18
Глава 3. Твердятин урок	28
Глава 4. Кого берёт смерть	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Эрмес

Кошечев Наследник.

Могила для бессмертного

Глава 1. Неизвестный покойник.

В тот день я собирался купить сапоги, в которых не хлюпает вода. Вместо этого купил незнакомому старику могилу. В тот день я собирался купить сапоги, в которых не хлюпает вода. Вместо этого купил незнакомому старику могилу.

Тогда я ещё не знал, что сапоги обошлись бы дешевле.

Из-под верстака донёсся кашель. Не человеческий, а низкий, раздражённый, будто в щели под досками завели старенького козла. Гришка даже головы не повернул. Я поставил на край верстака блюдо с хлебной коркой, и оттуда высунулась узкая мохнатая ладонь, забрала угощение и исчезла вместе с ним.

Домового у нас звали Митрей. Отец говорил, что он живёт в этом доме дольше нашей семьи, но я подозревал, что Митря прибавляет себе лет с той же лёгкостью, с какой берёт со стола сушёные яблоки. Плату за работу требовал исправно, хотя за всё моё детство помог только дважды: однажды выгнал крысу из мучного ларя, а в другой раз вернул пропавший гвоздь. Гвоздь, как выяснилось, сам же и утащил.

— Ты ему опять дал моего хлеба? — спросил Гришка.

— Своего у него почему-то нет. А если не кормить, начнёт путать гвозди. Ты же хочешь, чтобы твой дед лежал в приличном гробу?

— Хочу. Только он говорил, что домовых не бывает.

— У него были причины не верить. Их домовый пять лет жил при деде, пока дом однажды не обокрали, и даже не проснулся.

Из-под верстака обиженно стукнули по дереву. В сущности, у меня был нормальный дом: крыша протекала, печь дымила, а нечисть знала своё место и обижалась по мелочам. В других краях, говорили, встречались существа, с которыми лучше было не делить даже лесную тропу. С нашими можно было ужиться, если не ждать от них человеческой совести.

— Доску эту переверни, — сказал я. — Сучком вниз. А то твой дед и после смерти будет цепляться за всё, что рядом.

Мальчишка послушно перевернул крышку гроба. Дерево было свежее, пахло смолой и лесной сыростью. На одной стороне плотник оставил глубокий след рубанка, на другой — торчал сучок величиной с орех. Я провёл по нему большим пальцем и достал нож.

— Так ведь его уже нету, — заметил мальчишка. — Не почувствует.

— Он не почувствует. А бабка твоя увидит. Ей потом с этим жить.

Гришка задумался, решил, что довод годится, и принялся придерживать крышку. На него положиться было можно, если сказать, за какой конец держать. Без этого он непременно выбирал другой.

Мы работали под навесом у моего двора. Из-за плетня тянуло дымом: соседи затеяли коптить рыбу и, судя по запаху, собирались коптить заодно весь Чернотал. За речкой, куда вёл мост с одной вечно проваливающейся плахой, уже шумели возы. Сегодня в Заречье открывался осенний торг. Туда ехали продавать пеньку, воск, льняное полотно, мёд. Туда же везли жеребцов, которых мне всё равно было не купить, и сапоги, которые — вот чудо — купить я мог.

В кожаном кошеле под рубахой лежали деньги: шесть медяков после прошлой недели, четыре от перепроданной тележной оси и ещё три, выигранные у Савки-кожевника в кости.

Последние он, разумеется, считал своим добровольным подарком бедному соседу. Я с ним не спорил: человек имеет право утешать себя как умеет.

— Ты уедешь? — спросил Гришка.

— Сегодня, как отпустим твоего деда. Завтра к утру вернусь.

— А сапоги мне покажешь?

— Если куплю, так покажу. Может, даже дам понюхать.

— Чего их нюхать?

— Кожи хорошей не видел, малой. У нас такие сапоги носят два человека: староста да Мирон, который старосте должен. У Мирона, правда, сапоги один на другом держатся.

Гришка хихикнул и тут же притих, когда во двор вошла его бабка. Бабку звали Дарья. Три дня назад она осталась вдовой; сегодня её лицо выглядело так, будто за эти три дня она успела прожить ещё один тяжёлый год. Под платком прятались редкие седые волосы. В руках она держала завязанный узелок.

— Лука, — сказала она. — Я принесла, как условились.

Я отложил нож. Развязывать узелок на глазах у Гришки ей явно не хотелось. Я видел это по тому, как она сжимала ткань, и по тому, как упорно смотрела на гроб, хотя его уже видела вчера.

— Давай потом, — сказал я. — Поставь под лавку. Поможешь крышку снимать, когда понесём.

Она покачала головой.

— Нет. Ты сперва посчитай. Там не всё.

Соседи у меня были разные. Кто-то мог забыть вернуть долг за год и ещё обидеться, когда напомнишь. Дарья принадлежала к другому сорту. Она бы стояла у меня в воротах до темноты, лишь бы я сам назвал недостающую сумму.

— Там что? — спросил я.

— Два медяка. И полотно. Хорошее. Сама ткала.

— У меня полотно есть.

— Тогда возьми для рубахи.

— Рубаха тоже есть. И даже целая, если не присматриваться.

Она подняла глаза. Смешного в этом не нашла.

— Ты доски покупал, Лука. Землю копал. Работал. Я знаю, сколько это стоит.

— Доски у меня лежали с весны. Твой старик ещё сам помогал их выгружать, между прочим. Тогда мы договорились, что я ему должен за работу. Теперь сочтёмся.

Это было наполовину правдой. Помогал он и впрямь, только долг я отдал ещё в начале лета. Но Дарья с таким упорством берегла достоинство своего покойного, что спорить о двух медяках показалось мне глупым занятием.

— Зачем ты меня утешаешь? — тихо спросила она.

— Не утешаю. Торгуюсь плохо, ты же знаешь.

— Вот уж неправда.

Я хотел возразить, но она вдруг шагнула ко мне и обняла так крепко, что рукоять ножа больно впилась в бедро. Платок у неё пах тёплым хлебом и мятой, которой женщины перекладывали бельё в сундуках.

— Спасибо, — сказала она мне в плечо.

Гришка усердно разглядывал собственные пальцы. Я постоял, не зная, куда девать руки, потом осторожно похлопал Дарью по спине.

С мёртвыми я всегда управлялся лучше, чем с теми, кто их любил.

До погоста мы шли мимо старого каменного столба с выбитым колесом. Камень был ещё Кошечевых времён. Весной, когда половину дороги размывало до колена, вокруг него оставалась сухая земля. Паломники из северных земель клали на столб монеты, а Никанор потом

спорил с ними, что никакому древнему царю они здесь не платят и деньги надо жертвовать на новый мост.

На погосте, у самой калитки, висели семь медных колец. Я не знал, кто первым их повесил и когда. Они не имели верёвок, не звенели от ветра и молчали, если гроб опускали в землю без последнего слова. Но когда кто-нибудь завершал погребение как положено, одно кольцо коротко отзывалось само собой. Чужие люди сперва стояли с открытыми ртами. Черноталовцы чаще спрашивали, не опоздали ли к обеду.

— Как думаешь, чей сейчас зазвенит? — прошептал Гришка.

— Какой пожелает. Я с ними в переписке не состою.

На похоронах Дарьиного мужа собралось человек двадцать. Гришка держал в кулаке последнюю горсть земли и никак не мог разжать пальцы: влажные комочки крошились между ними. Я подождал. Боль не проходит от того, что взрослый велит поторопиться.

Когда Гришка наконец разжал пальцы, земля упала на свежую насыпь над гробом. Я произнёс положенное последнее слово. Второе кольцо от края ответило ясным звуком. Мальчишка вскинул голову. — Оно само, — выдохнул он. — Само, — согласился я. — Видишь, сколько вокруг помощников, когда дело уже сделано. Дарья закрыла лицо ладонями. Гришка смотрел на медь, словно слышал голос деда, хотя кольцо ничего не могло сказать. Я дал ему постоять столько, сколько было нужно, и только потом позвал людей расходиться.

Когда люди разошлись, я проверил, не осела ли земля у изголовья, поправил простой деревянный знак и забрал заступ. Работать с погребениями меня учил отец. Он говорил, что добрую могилу видно не в тот день, когда её засыпали, а после первого сильного дождя. Отец вообще редко говорил что-нибудь понапрасну. За исключением обещаний перестать пить на ярмарке — эти у него не приживались.

Солнце стояло высоко. Если поторопиться, я успевал в Заречье к хорошим товарам, пока сапожники не распродали размеры под мои ноги.

Я уже снял рабочую рубаху и плеснул водой из бадьи себе на шею, когда у ворот кто-то заорал:

— Могильник! Эй, Могильник! Ты здесь?

— А если нет, так кого ты разбудил? — отозвался я.

Через створку заглянул Пахом, человек из дальнего выселка. Шея у него была красная, будто её всю дорогу тёрли верёвкой; глаза бегали между мной и навесом.

— У нас покойник.

— Соболезную. Привозите завтра.

— Он не наш.

— Тем более завтра. С чужими я не спешу.

Пахом сглотнул и отступил, пропуская телегу. Та въехала во двор тяжело, проседая на правую сторону. Лошадь шла осторожно, шурилась на солнце. Возница сидел на козлах с таким видом, будто вёз мешок с гнилыми яблоками и надеялся, что от него не потребуют за товар расписаться.

Под рогожей угадывалось человеческое тело.

— Где нашли? — спросил я.

— У большой дороги. За ольшаником, где старый съезд к мельнице, — ответил Пахом. — Лежал возле канавы. Мы сперва думали — пьян. Чужой, видишь ли. Подошли, а он уже холодный.

— За старостой ходили?

— Ходили. Велел везти сюда.

— Очень щедро с его стороны. Деньги на похороны тоже велел дать?

Пахом отвернулся. Второй мужик, возница, кашлянул и потянулся поправить рогожу, хотя она никуда не съезжала.

Я уже начал понимать, как обстоят дела.

— Снимайте, — сказал я.

Когда мы стащили рогожу, Митря возле сарая громко хлопнул своей дверцей в подпол. Домовые, сколько я их ни знал, чужих покойников не любили. Но этот хлопок вышел таким сильным, что с полки упала старая деревянная миска. Пахом вздрогнул; я поднял посуду и велел мальчишке отнести её в дом. Странности в хозяйстве лучше разбирать после того, как устранишь то, обо что можно разбить голову.

Под рогожей лежал худой старик. Ноги обуты в крепкие сапоги с мягкими голенищами — такие я мог себе позволить лишь в самых бесстыжих мечтах. Дорожная рубаша была грубой, но перешитой из явно дорогой одежды. Серебристый шов на вороте соседствовал с суровой заплатой у локтя. Богатый человек, которому довелось жить бедно. Или бедный, не сумевший забыть богатство. Я в том возрасте ещё не научился отличать одно от другого по одежде.

Я поднял рогожу чуть выше. Руки у старика были сухие, с тонкими пальцами. Грязь въелась в ногти, словно он пытался копать сырую землю без лопаты. На запястье темнел след от давнего обруча или тесного ремня.

Рядом лежал маленький мешок. В нём нашлись кремень, треснувшая ложка и половина чёрствой лепёшки.

— Деньги забрали? — спросил я.

Пахом вскинулся:

— Ничего мы не брали!

— Я не про тебя. По дороге мог кто заглянуть. Хоть разбойник, хоть нищий. Сапоги не тронули — уже чудно.

— Мы его как нашли, так и привезли, — сказал возница. — А сапоги... кто станет с мёртвого сапоги снимать?

Я посмотрел на него. Потом на Пахома. Мужики переглянулись.

— Правильный ответ, — сказал я. — Запомните, когда проезжать станете мимо моего двора.

Возница сплюнул за борт телеги, но обиды в его лице не было. Он просто устал и хотел оказаться подальше от чужого мертвеца.

— Чего с ним делать? — спросил Пахом.

Сделать можно было многое. Можно было отволочь тело за старый овраг, завалить ветками и считать, что дело Божье — или чьё там ещё. Можно было передать ближайшему селу, которое передаст следующему. Незнакомые покойники хорошо путешествуют по чужой совести: возят их долго, пока не найдётся дурак с лопатой.

Я посмотрел на мешок с треснувшей ложкой.

— Помогайте переносить. Только за плечи бери, не за голову. И не опрокидывай его, Пахом. Не мешок ведь.

— Значит, похоронишь?

— Посмотрим сначала, что староста скажет. А пока положим в прохладу.

Пахом облегчённо выдохнул, и я едва не рассмеялся: сразу видно, как человек радуется, что беда переехала к соседу.

Пахом с возницей понесли старика к сараю, а я шёл рядом с заступом, который так и не успел убрать после погоста. Мы не прошли и половины двора, когда лошадь вдруг метнулась в сторону. То ли муха впилась ей в брюхо, то ли подкова попала на камень; телега рванулась, ослабшая вожжа выскользнула у возницы. Правое колесо взошло на плоский камень у ворот и завалилось набок.

Гришка, который прибежал посмотреть на чужого покойника, стоял прямо возле ступицы.

Я успел увидеть, как ему под сапог попал обрывок верёвки и мальчишка сел на землю, опрокинувшись навзничь. Колесо пошло к его колену. Возница закричал на лошадь. Пахом отпустил плечи мертвеца.

— Гриша, голову убери! — рявкнул я.

Заступ был у меня в правой руке. Я сунул его железо под край колеса, вогнал черенок в землю и навалился всем весом. Подошва поехала по глине. В плечо отдало такой болью, словно меня колом проткнули. Дерево жалобно хрустнуло, но на один короткий миг колесо задержалось. Этого хватило: Пахом схватил Гришку за ворот и выдернул из-под телеги.

Колесо перескочило через черенок и рухнуло возле плетня. Мой заступ, которым я пользовался с прошлой весны, переломился пополам.

Я некоторое время сидел на земле и смотрел на две части рукояти.

— Ну вот, — сказал я. — Старик ещё в землю не лёг, а уже наследство делит.

Гришка заревел, сперва тихо, потом во всю глотку. Я притянул его к себе, осмотрел ноги и убедился, что обе целы.

— Болит?

Он покачал головой, не переставая плакать.

— Тогда чего ревьешь?

— Страшно.

— С этим не спору. Мне тоже.

Пахом держал лошадь под уздцы. Возница бледнел и снова краснел. Я поднялся, ощупал плечо и понял, что с сапогами придётся повременить: без новой лопаты моя работа не заработает ни гроша.

— У ворот стойте, — сказал я мужикам. — Пока не приведёте телегу в порядок, никуда не двинетесь. И Гришке не вздумайте говорить, что сам виноват. Сами колёса чините так, словно ими репу давите.

— Да я ж не нарочно... — начал возница.

— Вот потому и говорю спокойно.

Он на это возражать не стал.

Старосту я нашёл в собственной горнице за миской пареной репы. Он ел её с таким сосредоточенным недовольством, будто репа лично испортила ему день. Звали его Никанор. Хороший хозяин, человек не глупый, но чужие хлопоты он считал чем-то вроде лихорадки: заразной штукой, от которой лучше держаться подальше.

— Незнакомого? — переспросил он, выслушав меня. — А мне Пахом сказал: разбойник какой-то.

— Разбойник в добрых сапогах. Отважный был человек, наверное. Только грабить перестал давно, раз помер.

— Я не об этом. — Никанор отодвинул миску. — Ни рода, ни племени, ни знака. Ты знаешь, что бывает, когда в общий ряд кладут неизвестно кого? Потом его ищут, приходят с оружием, спрашивают с нас. Или люди шептаться начинают. Зимой любая хворь — и скажут, это чужака неправильно закопали.

— Я не предлагаю в общий ряд. Место у ольхи пустое, за оградой. Там земля мягкая, вода не стоит.

— За оградой — другое дело.

Он помолчал. Я по тому, как Никанор поднял ложку, понял, что согласие ещё не куплено.

— Только кто платить будет? Если потом объявится родня, спросят, куда мы имущество девали. А если не объявится, село зря потратится.

— Я заплачу.

— Много у тебя лишних денег?

— Как раз хотел спросить, не знаешь ли, где их раздают.

Никанор нахмурился, но не сердито. Мы знали друг друга много лет. Он не любил мои шутки, зато хорошо помнил, что я никогда не оставлял незакрытую яму возле дороги, даже если работать приходилось задаром. Староста ценил людей, которые избавляли его от необходимости принимать решение дважды.

— С чужого снять нечего? — спросил он.

— Снять есть что. Продавать нельзя: может, родня найдётся. Его сапоги дороже наших с тобой вместе взятых.

Никанор бросил взгляд на мои ноги, на старый ремешок, державший разбитый башмак. Сказал бы я, что заглядывать так прямо в чужую бедность невежливо, но он и без меня знал.

— Тогда составим при людях перечень. Мешок, сапоги, что ещё. Закопаем как есть. Появится родня — пусть знают, что ничего не присвоили.

— Вот это справедливо.

— И ещё, Лука: если начнут болтать, что ты с дороги принес беду, я за тебя отвечать не стану.

— Как узнаю, что принёс, первым тебе скажу. Чтоб успел дверь запереть.

На этот раз он всё-таки хмыкнул.

Выходя, я остановился в дверях.

— Сколько за место?

Никанор посмотрел на меня поверх миски. Он мог назвать два медяка, мог четыре. Мне оставалось бы платить: я сам вызвался.

— Медяк, — сказал он. — За запись и за то, чтобы от меня потом отвязались.

Я положил монету рядом с ложкой.

— Второе, боюсь, не купишь и за серебро.

К дому я возвращался мимо шумной улицы. Подмастерье гнал козу, которая никак не желала уходить от разложенных возле лавки яблок. Две девушки у колодца спорили, кто привезёт к торгу более красивый венок. Старуха бранила соседского петуха с искренностью, которой позавидовал бы воевода перед приступом крепости. Чернотал жил своим днём и знать не знал, что возле моего сарая лежит человек, похоронить которого никто не хотел.

Возле пекарни спорили две старухи. Одна трогала на шее медный знак с изображением длинной дороги, другая требовала убрать «кошечевское железо» от хлеба. Первая говорила, что без дороги Бессмертного её внуки умерли бы от голода в позапрошлую зиму. Вторая вспоминала двоюродного брата, который ушёл эту дорогу строить и домой вернулся стариком, хотя оставлял молодую жену.

Я прошёл мимо. В Чернотале про Кощея ругались ещё мои деды. Даже когда никто уже не помнил, где находится его царство, одна половина села благодарила его за каменную переправу, а другая — плевала при одном имени. Я до того дня относился к покойному властителю как к дождю: человек может иметь о нём своё мнение, но дождю от этого ничуть не мокрее. Имя Кощея казалось старым, как засохшая надпись на столбе, а не именем человека, которого можно встретить за ближайшим поворотом.

Я остановился у пекарни.

Настасья вынесла на прилавок круглые караваи, ещё тёплые, с блестящей коркой. Она была старше меня на два года, носила волосы в длинной косе и смеялась так, что человеку хотелось придумать ещё что-нибудь смешное. Я когда-то пытался ухаживать за ней. Она сказала, что выйдет за меня, когда я обзаведусь собственным конём, домом и перестану есть стоя. Кони мне не давались, дом достался от отца, а есть сидя я считал совершенно необязательным.

— Ты чего не на торгу? — спросила она. — Уже два воза прошли. Сапожник с зареченской стороны тоже.

— Работа напала. Словно видела, что у меня деньги завелись.

Настасья положила передо мной хлеб.

— Держи. За вчерашнюю лавку. Муж сказал, ты ножку так починил, что теперь она переживёт нас обоих.

— Передай мужу, что ничего вечного не бывает. Особенно если опять прыгать на ней после мёда.

— Ему и передам. А сапоги?

Я повертел в пальцах тёплый каравай. Корка хрустнула, и запах свёл живот сладкой болью. С утра я ел только луковицу да кусок холодной каши.

— Будут другие, — сказал я.

— Ты так говоришь вторую осень.

— Значит, осенью я особенно настойчив.

Настасья смотрела внимательнее, чем мне нравилось. Потом отломила от края каравая кусок и протянула мне.

— Ешь. А то к вечеру свалишься возле собственного погоста и заставишь всех думать, что тебя туда тащить.

— Из уважения к ремеслу не стану умирать возле работы.

Я съел хлеб, поблагодарил и пошёл дальше. Позади послышался её смех, а следом — голос мужа, спрашивавшего, над чем там так весело. Лучше было не оборачиваться: брак у них был крепкий, но мужчина не обязан знать, какая именно глупость рассмешила его жену.

Во дворе Пахом с возницей уже подняли телегу. Мальчишку Дарья увела домой. От ограды донеслись её строгие наставления, затем Гришкин голос, защищавший всех на свете, включая лошадь. Значит, с ним всё было хорошо.

Я напоил мужиков из бадьи и показал, куда выгружать солому. Пахом хотел оставить мне два медяка, но, полезши в пояс, извлёк только медный крючок и полсломанную иглу. Посмотрел на меня почти виновато.

— Слушай, я, как сено повезу, привезу тебе охапку. И колеса помогу на повозке починить, коли понадобится.

— Сено привези. Только не то, которое корове стыдно дать.

Он обрадовался возможности уплатить хоть чем-нибудь.

Когда телега ушла, я остался со стариком наедине. Чужое тело лежало на деревянном настиле сарая, поверх него — чистое полотно. Я снял сапоги, вычистил дорожную пыль из складок и поставил рядом: после записи Никанора всё равно полагалось вернуть их владельцу перед погребением. Случалось, люди хоронили мёртвых босыми, лишь бы сохранить добрую обувь живым. Я их понимал. В такую осень, когда земля с утра по колено липла к ногам, хорошие сапоги выглядели почти чудом.

Когда я коснулся оставленных сапог, с улицы донёсся гул, похожий на далёкое гудение колёс по большому каменному мосту. Вozy давно ушли к торгу. У ворот остались лишь борозды от колёс — телегу давно увели. Никто по дороге сейчас не ехал. Звук длился одно мгновение. Я заглянул наружу, посмотрел на пустой двор и решил, что после утренней работы начну слышать что угодно, лишь бы не собственное урчание в животе.

Но этот человек при жизни почему-то сохранил именно их. А другой одеждой будто не дорожил.

На воротах рубахи перетиралась тонкая серебристая нить. Когда я поправил ткань у левых рёбер, увидел тёмный острый обломок в коже — чуть длиннее ногтя. У него была светлая трещина поперёк. Крови возле обломка не было, кожа выглядела давно затянувшейся, словно человек прожил с железом внутри многие годы. Я взялся за край воротника и сразу отдернул пальцы: металл был холоднее любой воды из нашего колодца.

Я наклонился ближе. При дневном свете осколок казался тёмно-серым, со светлой трещиной поперёк, будто его согнули в неподатливых пальцах.

— И кто ж тебя так неудачно штопал? — пробормотал я.

Я мог выдернуть эту штуку. Но не любил трогать чужое тело ради собственного любопытства. Если родные явятся за стариком, пусть сами решают, отчего он носил железо под рёбрами. Я пригладил рубаху, закрыл обломок полотном и вернулся к привычной работе.

Потом омыл ему лицо, вычесал из бороды сухую траву и завязал на груди полотно так, чтобы всё лежало ровно. На это ушло больше времени, чем я рассчитывал. Под ногтями у старика грязь держалась упрямо, а левая рука никак не хотела выпрямляться. Несколько пальцев свело, как после тяжёлой работы. Я осторожно разогнул их и только потом заметил следы давних мозолей под ладонью. Стало странно: пальцы были тонкие, почти учёные, а ладони — как у человека, которому не раз доводилось держаться за меч или молот.

К середине дня у меня снова объявился Гришка. Бабка разрешила ему прийти лишь после того, как он поклялся не подходить к телегам. Он принёс пирог, завернутый в полотенце, и стоял возле сарая, пока я не заметил.

— Это бабка тебе, — сообщил он. — Сказала: пусть не хоронит голодным.

Я разломил пирог пополам. Внутри была капуста и мелко нарубленное яйцо.

— Сам ел?

— Ел.

— Неправда. У тебя нос на пирог смотрит.

Он взял половину и сел на порог.

— Лука, а ты никогда не думал бросить это дело?

Я пожал плечами.

— Сегодня утром думал. Очень основательно. Даже деньги пересчитал.

— А что бы делал?

Вопрос мне понравился. Я присел рядом, вытянул ноги и некоторое время жевал, глядя, как на крыше сарая воробьи выясняют, кому принадлежит сухая соломина.

— Купил бы коня, — сказал я наконец. — Не старого, который сам дорогу до дому знает и иной раз намеренно забывает. Молодого, умного. Поехал бы сперва к морю. Говорят, там вода такая большая, что другой берег не разглядеть. Потом в горы. Слышал, купцы за горным проходом платят по хорошей монете за работу человека, который умеет не испугаться и быстро разобраться, что сломалось. Правда, те же купцы врут всякий раз, когда открывают рот. Так что придётся посмотреть собственными глазами.

— А сюда вернёшься?

Я посмотрел на его измазанную капустой щёку.

— Кому же я ещё по двадцать раз объяснять буду, как доску переворачивать?

— Я уже запомнил!

— Видишь. Значит, могу уехать со спокойной душой.

Он рассмеялся, потом посерьёзnel.

— Мама говорит, ты смеёшься, когда не знаешь, что сказать.

— Умная у тебя мама.

Погода обещала ливень, а у меня не было ни хороших сапог, ни целого заступа. Зато Гришка остался жив, Дарья сегодня смогла похоронить мужа как следует, и даже мохнатая домашняя скотина получила обед. День никак не складывался по моему желанию, но пока я мог сказать о нём худшее только для кошеля. Беда обычно начиналась тогда, когда у людей переставало хватать смешных жалоб.

К вечеру небо затянуло тяжёлыми облаками. С севера тянуло мокрым ветром, и на дорогу уже падали крупные капли дождя. Если я не успею засыпать чужую могилу до настоящего ливня, земля расползётся, придётся делать всё дважды. Я взял запасной заступ, который ещё держался благодаря трём клиньям, выбрал место за оградой погоста, где под старой ольхой начиналась ровная сухая полоса, и принялся копать.

Земля сначала пошла легко. Под дерном лежал тёмный рыхлый слой, а ниже — плотная жёлтая глина. Заступ приходилось вгонять ногой, поддевать ломкий край и отбрасывать комья наверх. Работа шла неспешно. Больное после телеги плечо тянуло, каждый раз напоминая о себе, когда я слишком широко отводил руку. Я выругался, перехватил черенок по-другому и продолжил.

Через некоторое время я заметил на дороге Дарью. Она принесла мне узелок сухого полотна для рук и стояла молча, не приближаясь. Я вылез из ямы, сел на край и выпил воды из её кружки.

— Зачем тебе второй покойник за день? — спросила она.

— Первого ты сама привела.

— Первому было кому заплакать у могилы. А этот чужой.

Я не сразу ответил. На той стороне ограды ветер раскачивал деревянные знаки. Два стояли косо, один вовсе потерял надпись. Я всё собирался обновить его, да руки не доходили. Под этим знаком лежал Живко, с которым мы в детстве лазили за диким мёдом, а потом рассорились из-за глупого слова. Когда он погиб в весеннем разливе, я не смог заставить себя прийти к его матери на похороны. Она уже потом сама обратилась ко мне за работой, и хуже того разговора у меня до сих пор ничего не было.

Дарья проследила за моим взглядом, но ничего не сказала. Умела она иногда помолчать так, что не приходилось защищаться.

— У этого, может, тоже есть кому, — ответил я наконец. — Только они пока не знают, куда он делся.

Она кивнула. Поставила воду на траву и ушла.

Я продолжил копать. Дождь обрушился, когда я уже почти закончил. Огромные капли били по лопатному железу, по шее и по лицу. Вырезанная в стенке ямы полка начала осыпаться. Пришлось забить в край два деревянных клина и накрыть вынутую землю рогожей, чтобы её не размыло. Работу я закончил уже мокрым до последней нитки.

Покойника привезли на ручных носилках Пахом и Гришкин дядька, которого я уговорил помочь. Никанор пришёл с двумя свидетелями; один умел писать, другой, по его словам, обладал прекрасной памятью. Я подозревал, что староста привёл обоих на случай, если одна добродетель подведёт другую.

Никанор перечёл имущество покойного вслух. Сапоги, рубаха, мешок с ложкой и кремнем. Сапоги я ещё во дворе вернул старику на ноги, предварительно заправив в них край чистого полотна: так они меньше сползали при переноске. Застёжка на поясе, которую никто не пожелал назвать серебряной, хотя под грязью она подозрительно блестела. Лицо описали, как сумели. Ни одного знакомого знака на теле никто не назвал.

— Желающих опознать нет? — спросил староста.

Все промолчали. Чужая смерть под дождём никому не казалась интересным событием.

— Тогда погребай, — сказал Никанор. — И закрой до темноты.

Он сдвинул шапку на затылок, будто хотел добавить что-то ещё, но передумал. Свидетели ушли с ним. Пахом помог мне опустить тело в яму на двух верёвках. Старик оказался легче, чем выглядел, и от этого мне стало почему-то неприятно: такая дорогая обувь, такие крепкие руки, а человека будто осталось совсем мало.

Пахом постоял немного, потом почесал подбородок.

— Я бы помог засыпать, Лука, да лошадь на дороге ждёт. До дождя не дойдём — увязнем.

— Ступай, — сказал я. — Уже самое тяжёлое сделали.

— Ты не сердись.

— На что? Что у тебя лошадь умнее нас обоих и домой просится?

Он усмехнулся, с явным облегчением ухватился за шутку и ушёл к дороге. Я остался возле ямы один.

Не совсем один. Под ольхой сидела мокрая ворона и глядела на меня наглым глазом, а со стороны села доносились голоса, стук ставен и редкий лай. На реке кто-то ругался, вытаскивая лодку на берег. Жизнь продолжалась с обычным своим бесстыдством: ужинала, промокала, торопилась домой и не собиралась останавливаться из-за незнакомого старика.

Я уложил у изголовья две тонкие дощечки по чернотальскому обычаю и взялся за заступ. Погостные кольца виднелись над калиткой, в сером вечернем свете медь казалась чёрной. Обычно они молчали до самой последней горсти, после которой хоронящий говорил покойному простое прощальное слово.

Я проходил под семью кольцами уже дважды за день. Они висели неподвижно. Одно ещё хранило на меди влажный отпечаток Гришкиных пальцев: мальчишка прежде чем уйти дотронулся до него на удачу. Старики утверждали, что нечисти на погосте положено слушаться этих колец, но я никогда не видел, чтобы какое-нибудь существо прибегало по первому зову. Митря, к примеру, не слушался и меня, хотя ел за мой счёт.

Первый раз меня насторожило тепло из ямы. Дождь остудил глину, старик давно лежал холодный, а снизу тянуло мягким теплом, словно нагретая летним солнцем плита оказалась под сырой землёй. Я выпрямился, прислушался. Деревня шумела, ворона возилась на ветке. В доме кто-то колот дрова. Мир вёл себя нормально — кроме этой глубокой ямы.

— Ну что, дед, — сказал я негромко. — Если обиделся, что не под крышей, уж прости. Другого места не нашлось.

Тогда случилось первое, чего мне не удалось объяснить ни усталостью, ни дождём. Крайнее кольцо дрогнуло, хотя до последнего слова я ещё не дошёл. Затем ответило соседнее. Потом третье. Все семь звенели один за другим, и каждый звук был разным: один тонкий, один глухой, два напоминали удар ножом по чашке, а последнее отозвалось так глубоко, что заныло ушибленное утром плечо.

— Не ко времени, — сказал я им, хотя разговаривать с медью прежде не пробовал. — У меня тут работа.

Кольца замолчали. На мгновение мне показалось, что к ним просто прислушались. Потом далеко за рекой откликнулась древняя каменная дорога: от неё потянуло низким ровным гулом, будто под землёй передвигали огромный жернов. У моста взвилась стая галок. Из дворов закричали собаки.

Я посмотрел на мёртвого старика. Его лица уже не было видно под крышкой. Не верилось, что какой-то бедный путник, у которого из всего имущества осталось пол-лепёшки, способен нарушить такой старый обычай. Я уже стоял у края с заступом. Бросить закрытый гроб в открытой яме под дождём не мог, кем бы ни оказался этот старик.

Я бросил первую лопату земли. Потом вторую, третью. Крышка гроба — простая, сбита мною наспех из остатка досок — глухо принимала удары. Когда земля закрыла её полностью, я разровнял глину, подвёл края и полез за последним комом, чтобы закрепить знак у изголовья.

Я собрался произнести положенные слова, но от семи колец по дороге к лесу пошла волна звука, и медные скобы на деревянных воротах отозвались ей ровным дрожанием. Трава у могилы легла к земле. Со стороны села кто-то крикнул, чтобы дети ушли с дороги. После этого вдруг стало тихо — обыкновенно тихо, как бывает после далёкого раската грома.

В этот миг мне что-то укололо под левым ребром.

Я выдохнул, отшвырнул заступ и ухватился за бок. Боль была короткая, тонкая и очень точная, будто кто-то ткнул меня иглой прямо через мокрую рубаху. Я задрал ткань. На коже не было ничего, кроме старого следа от ожога да грязной полосы, оставленной моей рукой.

— Прекрасно, — сказал я. — Целый день чужие покойники обходятся мне в деньги, а теперь ещё и собственный бок хотят забрать.

Боль ушла так быстро, что я успел только задрать мокрую рубаху. Ни ранки. Лишь под левым ребром поселилось ощущение холодной тонкой жилки, будто внутри натянули нить и не сказали мне, к чему она привязана.

Я снова взял заступ. Земля поднималась тяжело. Слова, которыми обычно заканчивают погребение, я произнёс неуверенно: старика не знал и не мог угадать, к каким словам он привык. Назвал его просто человеком, который пришёл издалека и должен теперь лежать спокойно. Иногда это всё, что у нас есть.

Кольца ещё стояли у меня в ушах. Пожалуй, если завтра придёт староста и спросит, зачем я разбудил целое кладбище, придётся признаться: такого доброго вечера я ему и сам не собирался устраивать.

Я закончил насыпь, поставил деревянный знак и подбил вокруг него землю. Ворона давно улетела. Дождь почти перестал. Из-за туч показалась узкая светлая полоса неба, а по траве, примятой моими сапогами, побежали дождевые капли.

Мне захотелось взглянуть на деревню — просто убедиться, что ни один дом не сдвинулся с места, пока я копал. С холма виднелись знакомые кровли, печные дымы и низкое тёмное пятно мельницы. Мир был прежний, хотя на погосте у меня не осталось желания смеяться над прежними жалобами.

От каменного столба на дороге поднялся лёгкий пар. Он уходил в мокрый воздух ровной белой полосой. Я ни разу не видел такого в октябрьский дождь. При этом земля у моих ног больше не казалась чужой или враждебной. Она была обычной тяжёлой землёй Чернотала, где с утра хоронили доброго старика, вечером — чужого, а завтра снова придётся править дорожную канаву.

И тут увидел на дороге три лошади.

Они шли со стороны большого тракта и остановились возле ворот погоста почти одновременно. Ни колокольчика на сбруе, ни болтающейся у седла железки. Лошади были хорошие, ухоженные и уставшие после длинного перехода. Один всадник, широкий в плечах старик с седой бородой и носом, свёрнутым набок, прыгнул на землю без помощи стремени. Второй был помоложе и держал повод так крепко, что конь беспокойно косил глазом. Третьей оказалась женщина.

Она сидела прямо, но не показно. Под непромокаемым плащом угадывалась кольчуга; копьё было привязано к седлу рукоятью вперёд, чтобы выхватить его в одно движение. Волосы убраны, лицо усталое. Она посмотрела не на меня, а сперва на свежую землю, затем на запасной заступ с тремя клиньями у меня в руке и только после этого — на меня.

Я решил, что люди из княжеской охраны. От таких редко ждёшь приятной беседы, особенно если у них есть дело к покойникам.

— Добрый вечер, — сказал я. — Если ищете ночлег, в селе две избы пустуют. Но одна подтекает, а в другой хозяин любит рассказывать, как однажды видел князя. Он и на третью ночь не замолкает.

Седой не улыбнулся.

— Кто здесь могильщик?

— Смотря кто спрашивает. Если родня покойного, то я. Если человек, которому должны за дерево, то не видел такого уже три дня.

Молодой всадник сделал движение к седельной сумке, но женщина коротко остановила его взглядом.

— Ты сегодня хоронил незнакомого старика? — спросила она.

Говорила она низким, чуть охрипшим от дороги голосом. Не приказала, не предложила, а именно спросила. Это я оценил.

— Хоронил.

— Один?

— Пахом помогал спустить. Староста имущество пересчитал при людях. Последнюю землю я сам насыпал.

Она перевела взгляд на седого. Между ними произошло что-то, чего я не понял: седой на секунду замер, будто услышал дурную весть не из моих слов, а из паузы после них.

— Ты уверен, что он был мёртв? — спросил седой.

За один день мне уже достаточно раз приходилось объяснять чужую смерть.

— Я мог ошибиться в цене сапог, — сказал я. — Но тут, поверь, моё ремесло надёжнее.

Седой шагнул вперёд. На его руке под мокрым рукавом блеснула широкая железная пластина. Я не любил людей, которые подходят так близко, когда у меня в руке тяжёлый инструмент, и отступил на полшага.

— Имя, — потребовал он.

— Лука.

— Фамильное прозвание?

— Могильник. Есть ещё обидные, но все длиннее.

— Лука, — произнесла женщина, словно проверяя, как звучит это имя. — Положи заступ на землю. Медленно. Никто не собирается с тобой драться.

— Вы так убедительно это сказали, что я сразу успокоился.

Она ничего не ответила. Седой посмотрел на мой заступ. Молодой всадник уже спешился и неторопливо доставал из сумки тонкую верёвку. Человек, который приехал поговорить, верёвку из седла обычно не вынимает.

По спине текла холодная вода. Между мной и воротами была узкая тропа, справа свежая могила, слева ограда. Молодой всадник держал верёвку так, будто уже решил, что я стану спорить. Я выбрал не худший из путей: поставил заступ на землю перед собой, чтобы у меня оставались свободные руки, и шагнул в сторону открытой калитки, не давая им сразу зажать меня между могил и коней. Женщина заметила движение. Не одобрила, но и не остановила.

— За что? — спросил я. Голос вышел уже без привычной улыбки.

— За того, кого ты закопал, — ответил седой.

— Я его не убивал.

— Ты похоронил человека, из-за смерти которого по дорогам начнут скакать войска, — сказал седой. — Сейчас я хочу выяснить, сделал ты это случайно или слишком хорошо знаешь, что творишь.

Женщина резко повернула к нему голову.

— Твердята. Не здесь.

Он замолчал, но отступать не собирался. Я увидел, как она смотрит на свежую могилу: с досадой, усталостью и чем-то ещё, похожим на страх. Не передо мной. Перед тем, что уже случилось.

— Лука, — сказала женщина. — Я Верeya. Ты поедешь с нами. Живым, если станешь слушать. И на своих ногах, если нам не придётся тебя связывать.

— А если не стану?

— Тогда всё равно живым. Только ехать будет гораздо неудобнее.

Я посмотрел на верёвку в руках молодого, на копьё у её седла, на широкие плечи седого богатыря. Под ногами была земля, которой я всю жизнь зарабатывал себе на хлеб. За спиной — могила человека, не имевшего даже имени. Оказывается, и того и другого было недостаточно, чтобы тебя оставили в покое.

Я не стал поднимать заступ. Вместо этого оглянулся на свежую могилу и на пустое место у ворот. Там, за влажными камнями, семь колец всё ещё чуть покачивались без ветра. Я понял, что эти люди боятся не моего острого языка и даже не того, что я могу улизнуть. Их пугало само погребение.

— Назовите его имя, — сказал я. — Тогда решу, насколько вы правы, когда пугаете меня за чужой гроб.

Твердыта посмотрел на могилу так, будто узнал место старой битвы. Седая борода на его подбородке дрогнула, когда он втянул воздух. Потом он ответил спокойно, без обычного богатырского величия:

— Кошей. Бессмертный.

Я ждал, что кто-нибудь из них засмеётся. Не засмеялся никто.

— Кошей умер? — спросил я. — Тот самый, который дороги через болота строил?

— И тот, чьим именем в Сухих Слободах детей до сих пор прячут по подвалам, — сказала Веря. — Один и тот же человек.

За рекой снова потянуло гулом. У древнего столба дрогнула вода в выбоине, а мне под левым ребром кольнуло уже без боли. Я посмотрел на молодого воина с верёвкой и вдруг увидел у него возле горла тонкую тёмную линию — как волосок, натянутый между двумя пальцами. Он встряхнулся и потёр шею. Линия пропала. Я не понял, было ли это на самом деле.

— Зачем вы тогда пришли ко мне? — спросил я, ещё стараясь держаться за какой-нибудь обычный смысл.

— Потому что того, кто закончил его погребение, будут искать, — сказала Веря. — Прежде всего те, кто надеется забрать себе то, что он оставил.

Я посмотрел на свои разбитые сапоги. Полдня назад потеря пары добрых сапог казалась мне главной неудачей жизни. Теперь возле моей могилы — нет, чужой могилы — стояла княжеская воительница и говорила так, будто весь мир уже двинулся в Чернотал. Я хотел попросить у неё хотя бы одну спокойную ночь, но за оградой послышался быстрый стук копыт. Не наших трёх. Кто-то скакал из-за реки, не разбирая дороги.

Веря резко подняла голову. Твердыта уже потянул меч из ножен, а молодой воин отшагнул ко мне и поднял верёвку выше. Тёмная нить возле его шеи мелькнула вновь — там, где на мокрой шее лежал край плаща. И до меня наконец начало доходить: смерть Кошея закончилась, а неприятности для живых только начинались.

Глава 2. Чёрная нить

Человек, скакавший к погосту, едва не угодил лошадьё в канаву. Я узнал его раньше, чем он добрался до ограды: Федот из Заречья всегда ездил так, будто конь задолжал ему деньги и теперь старался уйти от расплаты. Даже дождь не сумел отучить его от этой манеры.

— Могильник! — заорал он, ещё не добравшись до ворот. — Там у брода...

Он увидел Верею с копьём, седого богатыря и молодого дружинника, который держал верёвку, и осёкся. Слова, предназначенные для знакомого человека, плохо выходят изо рта, когда вокруг неизвестно чьи мечи.

— У какого брода? — спросил я.

— У большого. Двое чужих. Утром проехали, обратно поворотили. Говорят, у вас здесь мёртвого старика привезли. Спрашивали, кто хоронит, куда положили. Один меня серебром манил, другой так посмотрел, что я и без серебра рассказывать расхотел.

Твердята выругался себе в бороду. Верея неторопливо взяла повод своего коня.

— Они видели, куда ты поехал?

— Да я из Заречья по дороге. Вдруг видел кто, вдруг нет. Вы кто будете?

— Люди, которым тоже не нравится, что чужие расспрашивают о могилах, — ответила она. — Возвращайся домой. Скажи старосте, пусть ночью никого не пускает к погосту.

— А вы сами здесь чего?

Я хотел бы услышать ответ не меньше Федота. Но женщина посмотрела на него так, как иногда смотрят на плохо закрытую дверь: сама собой она вряд ли исправится, зато времени на неё жалко.

— Служба, — сказала она.

Федот вздохнул. В наших местах это слово объясняло примерно всё, за исключением того, почему людям за службу платят, а соседу за телегу — нет. Он дёрнул повод, конь резко задрал голову. И тут я снова увидел тёмную линию.

Не у Федота. У молодого дружинника, всё ещё стоявшего возле меня.

Чёрный волосок тянулся от его горла вниз, к складке мокрого плаща. Я моргнул. Линия осталась. Она не висела в воздухе, как паутина, а словно была нарисована поверх самой жизни. Краем зрения я видел её ясно; стоило взглянуть прямо — она расплывалась, будто от слёз.

— Эй, — сказал я молодому.

Тот повёл плечом.

— Чего?

— У тебя с шеей порядок?

— У меня с головой порядок. Это тебе полезно бы проверить.

Он говорил нагло, но не со злостью. Видно было, что заставлять людей бояться он ещё не научился, потому и прибавлял к голосу суровости больше, чем требовалось.

Верея поправила крепление копья, не прислушиваясь. Твердята уже осматривал дорогу. Федот двинулся к деревне, молодой дружинник проводил его взглядом и шагнул к своей лошади.

Нить потянулась вместе с ним.

Я смотрел теперь не на горло, а на то, куда он направился. Конь стоял боком к воротам. Ремень, которым под седлом крепилась дорожная сумка, вылез из пряжки и наискось лёг на подпругу. Когда парень ухватился за стремя, свободный конец зацепился за его плащ. Ничего страшного, если стоять спокойно. Но лошадь уже косила глазом на шумные медные кольца, а парень намеревался одним движением вскочить в седло.

Он поставил ногу в стремя. Ремень натянулся.

В тот миг чёрная линия стала толстой, как нитка для обуви, и вдруг указала не вперёд, а вниз — к железному кольцу стремени.

Я успел сделать два шага.

— Не садись!

— Да отстань ты...

Я схватил его за плащ и рванул назад. Он выругался и локтем саданул меня по челюсти. Лошадь шарахнулась от нашей возни. Подпруга провернулась, седло поехало набок, а стремя, в которое парень уже успел перенести вес, нырнуло под лошадиный живот.

Если бы он остался ногой в том кольце, его поволокло бы по камням. И не по гладкой дороге: здесь торчал старый надгробный камень, возле которого я весной сломал две лопаты.

Мы оба полетели в грязь. Парень навалился на меня со всем своим железом, локтем достал до печени, а коленом угодил куда-то между весьма дорогими для меня частями тела.

Нить исчезла.

Лошадь пронеслась через открытые ворота, сделала по дороге несколько нелепых прыжков и остановилась у лужи, словно именно туда с самого начала собиралась. Пустое седло свисало на боку.

Некоторое время никто не говорил. Мне мешал дышать чужой локоть. Молодому дружиннику мешало понять, за что он лежит лицом в мокрой земле.

— Слезь с меня, — попросил я. — Ты тяжелее, чем кажешься.

Он поднялся. Подбородок у него был в глине.

— Ах ты... Ты зачем?!

— Спасал тебе жизнь. Полагаю, можно было сделать это вежливее, но хороших слов у меня под рукой не нашлось.

— Какую жизнь? Ты меня с коня стащил!

— С коня ты ещё не успел. Я тебя стащил с будущей неприятности. Вон она — у лужи стоит.

Твердята дошёл до лошади первым. Поднял свисающее седло, увидел подвернувшийся ремень и присвистнул. Потом подозвал Верёя.

— Погляди.

Она присела рядом, тронула пряжку, провела пальцами по сорванному отверстию в коже. Молодой дружинник перестал ругаться.

— Берест, — сказала Верёя. — Ты когда подпругу проверял?

— Перед въездом в село.

— Седло снимал?

— Нет.

— Значит, не проверял. Просто посмотрел на него с уважением.

Мне стало приятно, что у неё тоже имеются способы издеваться над людьми, не повышая голоса. Берест открыл рот, хотел возразить, но Твердята поднял повреждённую сумку за лямку. Та оборвалась прямо у него в руке.

— Ещё немного, — сказал старик, — и мы бы по полям собирали тебя мешками. Хватит спорить.

Он посмотрел на меня. Долго, гораздо дольше, чем требовалось для простого спасибо.

— Ты ремень видел?

— Видел, когда он ногу ставил.

— Издали?

— Сначала у него возле горла что-то было. Потом у ремня.

Берест отступил от меня на шаг. Это было даже обидно: только что он хотел меня связать, а теперь смотрел, словно я укусить могу.

— Что было? — спросила Верёя.

— Нить. Чёрная. Отсюда, — я показал на собственное горло, — вниз к седлу. Я её и раньше видел, перед вашим приездом. Только тогда решил, что глаза у меня от дождя плохо работают.

Верея посмотрела на Твердята. Старик не ответил взглядом. Снял с руки мокрую перчатку и потёр переносицу двумя пальцами.

— Сколько раз? — спросил он.

— Дважды. Если считать, когда Берест по собственной глупости чуть не сделался покойником, — три.

— А прежде?

— Прежде я мёртвых видел уже после того, как с ними всё случилось. И, между прочим, предпочёл бы вернуться к этому порядку.

Верея велела Бересту привести коня и самому проверить всю сбрую. Потом отвела меня от погостных ворот, к старой ольхе. Она выбрала место так, чтобы видеть мою деревню и дорогу. Сначала мне показалось, что она просто не доверяет мне. Потом заметил: в этих местах она не знает ничего, кроме того, что успела осмотреть, и всё равно старается не оставлять у себя за спиной ни одного прохода.

— Когда хоронил старика, что с тобой случилось? — спросила она.

— Сапоги промокли окончательно. На этом можно закончить?

— Лука.

Она сказала моё имя без угрозы. Не знаю, почему это подействовало лучше приказа.

Я рассказал про кольца, про укол под ребром и про холодную жилку, которую ощущал до сих пор. Ни к чему хорошему рассказ меня не приближал; с другой стороны, если я стану обманывать людей с конями и мечами, вряд ли сделаю их добрее.

— Железа в ране не было? — спросила Верея.

— У меня нет раны.

— На покойнике.

Я вспомнил крошечный тёмный обломок под его рёбрами. Очень не хотелось произносить это вслух. Слишком уж хорошо тогда совпадали укол, звон колец и люди с верёвкой.

— Было. Маленький кусок. Я не трогал его.

Твердята подошёл неслышно — удивительное дело для человека с такими плечами.

— Правильно сделал, — сказал он.

— Спасибо. Хоть один поступок сегодня одобрили без допроса.

— И больше к той могиле не ходи один.

— Отчего?

— Оттого, что люди сейчас станут умирать за право в неё заглянуть. А ты и так там лишнего насмотрелся.

Вот это было куда неприятнее любых рассказов о проклятиях. Я знал свой погост: Никанор любил считать деньги, Дарья возвращалась к могиле мужа по вечерам, Гришка таскал за ограду сушёные яблоки для птиц. Если сюда приедут вооружённые люди, они сперва испортят жизнь тем, кто ещё жив.

— Я поговорю со старостой, — сказал я. — Здесь не поле для ваших войн.

— Именно потому и увезём тебя, — ответила Верея.

— Не спеши. Я ещё никому не обещал ехать.

— Ты обещал себе прожить до утра? — спросил Твердята.

На такой вопрос неудобно отвечать отрицательно. Я промолчал.

На ночлег мы не остались у меня дома. Верея выбрала большой старостин двор: его окружал крепкий плетень, ворота запирались изнутри на дубовый брус, а чердак позволял смотреть

на дорогу через маленькое слуховое окно. Никанор сначала хотел возмутиться. Потом увидел оружие и решил возмутиться после завтрака.

Мой мешок с чистой рубахой, ножом, ножницами для верёвок и кошелём принесла Дарья. Гришку она оставила дома, чему я был рад, пока не узнал, что мальчишка уже успел рассказать половине деревни, будто меня забрали за смерть великого царя.

— Я не говорил «за смерть», — попробовал я возразить.

— Ему семнадцать раз велели не подслушивать, — ответила Дарья. — Он и подслушал все семнадцать. Скажи лучше, тебя отпустят?

— Отпустят. Правда, пока не сказали куда.

Она принялась застёгивать мой дорожный мешок, хотя я сделал это сам. Потом остановилась, расправила у края старого полотна стёршуюся нитку и вздохнула.

— Я ещё днём говорила тебе: хороший человек тот старик был или нет, всё равно похоронить его надо. Теперь думаю, может, глупость сказала.

— Не надо, Дарья. У тебя своего горя хватает. Моё я уж как-нибудь унесу.

— Принёс его сюда ты.

— Он прежде меня приехал, — возразил я. — Я даже не выбирал.

Она улыбнулась, но тут же нахмурилась, будто улыбка была неприлична в таком разговоре.

Мы сидели за столом в старостиной горнице. Пахло капустой, сухими грибами и жареным луком. Никанор, человек осторожный, велел накормить княжеских гостей как положено, а меня — так, чтобы не слишком привыкал. На деле всем поставили одинаковые миски, и я оказался неожиданно благодарен его жене: голодный человек плохо переживает новости о бессмертных покойниках.

Берест явился последним. Он успел вычистить грязь с лица и сменить ремень. Сел напротив меня, долго смотрел на ложку, а потом подвинул ближе хлебную краюху.

— На, — сказал он.

— Ты мне и так по челюсти выплатил.

— Бери. Я ж не извиняться при всех стану.

— Ну, тогда это очень удачный хлеб.

Он попытался не улыбнуться. Не получилось. Я взял краюху и открыл рот, чтобы похвалить его великодушие, но Верея сказала:

— Если оба закончили друг друга воспитывать, поедим.

Твердята уже ел. Он делал это основательно, без всякого стеснения, и явно не одобрял людей, которые позволяют разговорам отвлекать от горячего. На третьей миске он наконец сказал:

— Кошей когда-то обещал, что никто не умрёт на его дороге от голода. Смешно, если посмотреть на наш нынешний стол: ради этого обещания столько крепостей построили, а кормят всё равно княжеские жёны и сердобольные старостиhi.

— Ты его видел? — спросил Берест.

— Нет. Я старый, парень, но не настолько.

— Мой дед говорил, что воевал под его знаменем.

— Твой дед говорил, что собственноручно снимал змею три головы. А умер, подавившись рыбной костью. Не всякой истории нужно верить лишь потому, что её долго повторяют.

Я наклонился к миске. Кошей до этого дня был для меня почти тем же, что большой лес за рекой: давным-давно существовал, про него рассказывали страшное и прекрасное, но ни разу не приходилось размышлять, что с ним делать к утру. Сейчас я сидел с людьми, которые всерьёз обсуждали его тело и то, почему меня следует увезти.

— Значит, он умер, — сказал я. — Насовсем. А вы всё равно куда-то меня везёте. Что вам от меня нужно?

Веря отложила ложку. Она, видимо, решила, что разговаривать со мной лучше сразу, пока я не принялся задавать этот вопрос каждому по отдельности.

— В Вышеграде есть люди, которые обязаны удержать мир после смерти Кошея. Они разберутся, что с тобой произошло. И дадут охрану, если понадобится.

— А не отпускать меня они тоже обязаны?

— Пока мы не поймём, кто уже охотится за тобой, я не позволю тебе уйти одному.

— Красиво выходит. Сам ничего не просил, а охрана уже как приговор.

— Ты хочешь услышать обещание, которого я не могу дать?

Я посмотрел на неё. Видно было, что ей легче сказать неприятную правду, чем немного соврать ради спокойствия собеседника. Это заслуживало уважения и одновременно раздражало.

— Нет. Хочу знать, что со мной случилось.

— Возможно, ты получил один из запоров смерти, — произнёс Твердята. — Если это След, то ты не видишь будущее. Видишь место, где жизнь может скоро оборваться. Разницу поймёшь не сразу. Не верь каждой нитке так, будто смерть уже вынесла решение.

— А сколько их?

— Скажу, когда буду уверен, что с первой ты сумеешь обращаться.

— Удобно. Я тоже стану брать плату за погребение после того, как человек уже умер. Иначе вдруг передумает.

Твердята хмыкнул. Веря молчала.

— Мне это не нравится, — сказал я, обведя их взглядом. — Но одно я уже понял. Берест без меня сегодня погиб бы или покалечился. Выходит, запор, если он у меня есть, пока помогает людям. Не станем из-за него вести себя так, будто я принёс сюда чуму.

— Я и не веду, — сказала Веря. — Я велю запереть ворота и поставить стражу. Это разные вещи.

За столом повисла пауза. Старостина жена добавила нам ещё грибов. Берест тайком вытянулся к хлебу, но наткнулся на мой взгляд и отодвинул краюху ко мне.

— У тебя, — сказал он, — новый дар. Ты теперь, наверное, что угодно видишь.

— Вижу, что хлеб передо мной, а рука у тебя тянется за ним. Без колдовства.

Твердята засмеялся первым — коротко, неожиданно громко. Мне стало легче от этого смеха. Даже великие дела как-то терпимее, если рядом человек способен хохотнуть над обычной человеческой жадностью.

Спать меня уложили на лавке возле печи. Веря распорядилась держать ставни закрытыми. Я не спорил: после погостных колец, чужого покойника и неожиданного приглашения к князю мне хотелось только одного — чтобы этот день наконец закончился. Митря, наверное, уже обиженно гремел у меня дома мисками: хлеб ему я оставить забыл.

Но сны не приходили. За окном капала вода с крыши; в соседней комнате кто-то кашлял, а Берест дважды вставал проверить лошадей. Последний раз он задержался возле двери и заглянул ко мне.

— Ты не спишь?

— А похож?

— Спасибо за седло.

Я сел, потёр глаза.

— За то, что испортил его?

— За то, что увидел.

Он помялся и добавил:

— Веря говорит, завтра поедем сразу после кузни.

— Какой ещё кузни?

— Моё седло надо переправить, лошадь перековать. А твой заступ, видать, тоже хочет в железо.

— Мой заступ пока никуда не едет.

Берест ушёл. А я долго лежал, глядя, как на стене колеблется свет от углей. Странная получалась жизнь: утром мне не хватало трёх медяков на самые добрые сапоги, вечером, если верить чужим словам, я получил часть силы человека, которого не могло убить ничто. Только дыры в обуви от этого меньше не стали.

Кузница стояла за ручьём, на другом конце села. С утра там всегда работали громче, чем следовало: Кузьма-кузнец считал, что если молот не слышен из старостина дома, значит, день проходит впустую. На этот раз грохот действительно стоял на весь Чернотал. Едва мы подошли, я почувствовал запах горячего железа, копоти и мокрой шерсти, которой конюх притирал оглоблю.

Кузьма оказался возле огромного деревянного колеса, вращавшего мехи. Колесо давно хотелось переделать — я видел его ещё прошлой зимой, когда заходил чинить изломанный обод тележки. Но у мастера, как у всех, на неприятную работу времени никогда не находилось, особенно если текущая исправно кормила.

— Лука! — обрадовался Кузьма. — А у меня тебе заказ. Сторожевую цепь надо переложить, Никанор денег даёт, если покажешься ему с утра...

Он увидел Верею и Твердята. Повернулся ко мне.

— Ты чего, на службу уходишь?

— Сам ещё не знаю. Меня пока отпускают посмотреть кузню перед отъездом. Хотел попросить место на лавке возле горна, пока Бересту седло чинят.

— Если кто из княжеских обидел, скажи. У нас люди добрые, правда, вооружаться некогда, но словом поддержим.

Верея не улыбнулась. Кузьма, не дожидаясь ответа, крикнул подмастерью, чтобы тот подал новое железо. У него работала племянница Лада — худенькая девчонка лет семнадцати, с руками в ожогах и косой, перевязанной кожаным шнурком. Знала она про железо больше многих взрослых мужиков, а боялась только того, что дядька опять назовёт её ребёнком при покупателях.

— Здравствуйте, — сказала она Верее с таким уважением, какого я от неё никогда не дожидался.

— Доброе утро, — ответила Верея. — Нам нужно переправить седельный ремень и проверить подкову. Есть у вас человек, который этим займётся?

— Есть, — сказала Лада. — Я.

Кузьма возмущённо поднял голову.

— Сначала я посмотрю, — сказал он.

— Посмотри, — милостиво разрешила она. — Потом я сделаю.

Берест зарделся от радости, что теперь смеются не над ним. Я нашёл сухую лавку возле двери, сел и принялся точить нож: после вчерашней работы лезвие пошло мелкими зазубринами. Кузьма подвинул железную полосу к горну. Колесо мехов лениво повернулось. Из-под его ступицы донёсся сухой хруст.

Я поднял глаза. Кузьма этот звук тоже услышал, но решил, что дерево сыреет. Рукой дал знак Ладe добавить ход, и та переставила стопор на один зубец.

Колесо завертелось быстрее.

На лице Кузьмы вдруг появилась тёмная черта. Очень тонкая, от левого виска к скуле, она показалась мне трещиной на раскалённой глине. Я моргнул, и черта дрогнула вместе с движением мастера. Пальцы сжали рукоять ножа.

Я поднялся.

— Кузьма, колесо останови.

— Я его и запустил только что.

— Останови, говорю.

Он обернулся. Линия на его лице стала темнее, и я наконец обычными глазами заметил железный обруч, который охватывал колесо по краю. Крепление выбилось из пазов. От каждого поворота обруч едва заметно отставал от деревянного обода.

— Лада, отойди от стопора, — сказал я.

Она услышала меня. Но в тот же миг Кузьма резко опустил клещи на наковальню, и звук ударил по ушам. Лада машинально повернулась к дядьке. Колесо прошло ещё четверть оборота.

Не знаю, что я тогда увидел яснее — чёрную линию на Кузьминым лице или то, как обруч начинает раскрываться. Я успел только представить, куда он полетит, если сорвётся: прямо через горн, в лицо человеку, стоящему у наковальни. Потом всё вокруг стало обычным, тяжёлым, требующим действий.

— Берест! Верёвку с двери! — крикнул я. — Веря, уברי Ладу!

Я схватил деревянную колоду, которую кузнец подкладывал под низкие работы, и сунул её между колесом и неподвижной стойкой. Дерево ударило мне по запястьям. Колесо пошло медленнее, но не остановилось. Лада успела отскочить, Веря вытянула её за ремень фартука. Кузьма по-прежнему стоял возле горна, не понимая, что происходит: гул мехов заглушал наши крики.

Берест бросился к двери, оторвал от косяка толстую верёвочную петлю и швырнул её мне. Я набросил петлю на спицу, затянул конец вокруг стойки. Колесо дёрнулось. Верёвка скрипнула, потянула деревянный столб. Стопор Лада уже успела сбросить, но тяжёлый маховик всё ещё вращался по инерции.

— Назад! — крикнул я Кузьме.

Тот обернулся именно тогда, когда железный обруч лопнул у нижнего шипа. Полоса взвилась к нему раскалённой от трения дугой. На миг я отчётливо увидел её путь через горн к Кузьме, но остановить раскалённое железо уже не мог.

Твердята ударил кузнеца плечом, выталкивая его к двери. Я рванул верёвку обеими руками, сбивая вращение. Обруч ударился в наковальню, отскочил, пробил плетёную корзину с углём и замер у стены. Один из угольков подпрыгнул у самого береста. Парень вскрикнул, залил его водой из ведра и потом ещё несколько мгновений сердито смотрел на мокрый пол, будто уголь виноват перед ним лично.

Кузьма сел там, куда его отбросило. Левое плечо у него дрожало. Лада подбежала, схватила дядьку за руку и начала слишком быстро спрашивать, не сломано ли что-нибудь.

Чёрной линии больше не было.

Я стоял, задыхаясь, и смотрел на верёвку, от которой осталась почти одна бахрома. Кисти болели от удара колоды, но пальцы слушались. Теперь, когда колесо остановилось, стало слышно, как в крыше кузницы капает вода. Кто-то за дверью ругался на перепуганную лошадь.

— Ты увидел, что Кузьма погибнет? — спросила Веря.

— Что может погибнуть. Обруч я заметил уже потом.

Кузьма с усилием встал. Подошёл к колесу, потрогал железный обод. Потом посмотрел на меня, на Твердята, на Ладу.

— Я ж знал, что шаталось, — произнёс он.

— Вот теперь точно знаешь, — сказал я.

Он нервно рассмеялся. Лада покачала головой.

— Я тебе две недели говорила, — сказала она. — Две недели, дядька. Ты всё: «К вечеру почию». Хороший у тебя вечер наступил.

Кузьма не стал отвечать. Просто обнял её за плечи, что для них обоих было событием почти невиданным. Лада в этом объятии замерла на мгновение, потом осторожно вывернулась.

— Отпусти, — буркнула она. — Люди смотрят.

Мне захотелось смеяться — не из злости, не от облегчения даже, а потому, что весь этот день наконец завершился чьим-то обычным, живым смущением.

Кузьма предложил мне денег. Настоящих, не обещаний после осеннего торга: три медяка, которые выложил на наковальню с таким видом, будто расстаётся с частью собственной бороды.

— Бери, — сказал он. — Железо новое куплю, кузню пересоберу. А ты меня из-под полосы вытащил. За такое не стыдно платить.

— Я тебя не вытаскивал, это Твердята успел. Мне досталось колесо.

— И хорошо. Пусть каждый за своё получает. Старому богатырю я сапог не подберу, а тебе вот положено.

Я взял деньги. Не стал ни краснеть, ни отказываться из большой душевной красоты. Три новых медяка легли в мешок к моим прежним сбережениям. Все деньги теперь казались меньше, чем прежде: если придётся ехать до Вышеграда, за один добрый обед заплатишь как за недельный хлеб в Чернотале. К тому же моя прежняя работа осталась без хозяина.

— Только одно, Кузьма, — сказал я. — Колесо всё-таки перебери. И Ладу послушай. Она в твоём железе разбирается лучше, чем ты в собственных оправданиях.

— Переберу.

— Сегодня.

— Сейчас! Иди уже, благодетель.

Лада отвела меня к боковой двери, где у кузницы стоял сундук с обрезками доброй кожи. Выбрала не самый дорогой, но крепкий ремешок, отмерила на глаз и сунула мне в руку.

— На сапоги, — сказала она. — Левый у тебя совсем рот разинул.

— Ты мне обувь чинить собираешься?

— Нет. Не заслужил такой чести. Сам стянешь, если можешь пальцами шевелить.

Я показал ей обе руки. Пальцы слушались, хотя запястья побаливали. Она кивнула, как мастер, который удовлетворён испытанием своего изделия, и уже повернулась уходить, но вдруг спросила:

— Лука, а ты правда видел, что дядьку убьёт?

— Не совсем. Я видел, что он может погибнуть, если ничего не сделать. А как — пришлось самому догадаться.

Лада вздохнула.

— Хотела бы я такое видеть.

— Я бы вчера тоже хотел. Сегодня уже не уверен.

Она посмотрела на дымящуюся кузницу. Оттуда доносились ругань дядьки и стук молотка по металлу — звуки, которые ещё час назад казались ей самыми обычными.

— А я уверена, — сказала она. — Если бы ты не заметил, я бы вон там до ночи кровь отмывала.

Перед отъездом меня позвал староста. Никанор встретил у ворот, приложив ладонь к поясу, где обычно носил деньги. С виду он сердился.

— Людей напугал, — объявил он.

— Я?

— Ты. Вчера звон со всех колец. Сегодня кузня едва не загорелась. Завтра, чего доброго, коровы начнут по-человечески разговаривать.

— Тогда тебе первому достанется. Они давно собирались высказать всё про зимнее сено.

Никанор хотел рассердиться сильнее, но не выдержал. Вынул из-за пазухи узкий кожаный мешочек и положил мне в ладонь.

— Это с твоей работы. Пахом утром прислал за чужого. И ещё люди скинулись за Дарьиного мужа, чтобы ей не платить одной. Я сказал, что пока тебя не будет, могилы станем делать своими руками. Весной наймём другого, если не вернёшься.

Не так уж много было в мешочке. Но мне вдруг стало неловко: свой заработок я считал всегда, а чужую заботу — куда реже.

— Вернусь, — сказал я.

— Как знать. С такой славой люди редко обратно приползают. И смотри там, Лука, не делай из себя большого человека. Большие люди любят наказывать маленьких за то, что у них получается жить без великого дела.

— Ты теперь наставления за деньги даёшь?

— Тебе бесплатно. В последний раз.

Он протянул руку. Я пожал её. Рука у Никанора была сухая, с крепкими мозолями от работы, хотя в последние годы чаще считала налоги, чем держала плуг. Видно, я слишком давно не замечал, что староста тоже стареет.

Верее уже готовила отъезд. Берест вёл коней, Твердята проверял выюк. Четвёртую лошадь Верее ещё вечером купила у Никанора. Мне досталась серая кобыла с тяжёлой мордой, которая посмотрела на меня столь же неодобрительно, как Верее на мою попытку шутить про арест.

— Кобыла Крапива, — сказал Берест. — Не кусается. Если не суёшь пальцы ей в рот.

— По твоему опыту говоришь?

— По твоему будущему. Садись.

У меня была одна неприятность: верхом я ездил лишь настолько хорошо, насколько умеют люди, которым иногда надо съездить за сеном. Верее заметила это, но не сказала ничего. Просто показала, как держать повод свободнее и как сесть, не повиснув всем телом на стремях. От помощи её мне стало теплее, чем от вчерашнего обещания доставить живым.

Когда мы тронулись, у дороги собрались соседи. Дарья держала Гришку за плечо, словно мальчишка мог броситься вслед на своих коротких ногах. Лада стояла со связанным узлом косы, рядом Кузьма поднимал руку. Федот по-прежнему искал, кому рассказывать про двух чужих у брода. Кто-то протянул мне пирог, завернутый в полотно. Я поймал его на ходу и едва не уронил повод.

— Ты сапоги-то купишь? — крикнул Гришка.

— Куплю! И дам тебе понюхать, как обещал!

Он захохотал. Дарья тоже улыбнулась, хотя глаза у неё были красные. В тот миг Чернотал показался мне таким хорошим местом, что я впервые по-настоящему пожалел о том, что уезжаю. Даже соседские крыши, мокрые после дождя, выглядели уютнее княжеских дорог, которыми меня соблазняли с вечера.

Мы миновали ольхи и старый каменный столб. Дорога уходила на запад, туда, где я бывал редко. Лошади перешли на ровный шаг. Твердята ехал впереди, Берест рядом со мной, Верее замыкала маленький отряд. Никто не говорил, и я уже собирался спросить, обязательно ли у княжеских людей молчать первые десять вёрст, когда увидел у столба странную вещь.

На камне лежали три свежие медные монеты. Положены были аккуратно, одна к другой. Ещё вчера на столбе ничего не было: я проходил здесь дважды и хорошо помнил пустое место.

— Кто-то Кошечу за дорогу заплатил, — сказал я.

Берест оглянулся.

— Не только ему. По всему тракту теперь звонят. На южных сторожевых постах тоже. Говорят, как старика похоронили, древние знаки один за другим проснулись. Весть идёт быстрее людей.

— И откуда ты знаешь?

— Вестового ночью догнал. Твердята поговорил с ним ещё до кузницы.

Я хотел спросить, что сообщил вестовой ещё, но Верея подала знак ехать. По ту сторону поля виднелся лес, начинавшийся чёрной стеной. Между деревьями мелькнули две тёмные фигуры всадников: кто-то двигался по параллельной дороге, не торопясь подходить ближе.

— Нас догоняют? — спросил я.

— Пока нет, — сказала Верея. — Но дорога уже знает, кого везём.

Я сжал повод и посмотрел на свою дорожную сумку. В ней лежали нож, старая рубаха, новые три медяка от кузнеца и ремешок для разбитого сапога. Ничего похожего на наследство величайшего мага мира.

Только под левым ребром тихо жила холодная нить.

И впервые за сутки мне захотелось не избавиться от неё немедленно, а разобраться, что ещё я сумею с её помощью сделать.

Глава 3. Твердятин урок

За первый час дороги я успел узнать о княжеской службе две вещи. Во-первых, на ней кормят лучше, чем у нас в Чернотале. Во-вторых, за это требуют молчать, когда тебе хочется разговаривать.

Я не возражал против хорошей еды. Со вторым было тяжелее.

Твердята ехал впереди на крупном гнедом жеребце, настолько спокойном, что я заподозрил: конь уже видел всё самое дурное на свете и теперь ничему не удивлялся. Берест держался справа от меня; левой рукой то и дело проверял починенное седло. Верёя замыкала отряд. С того места ей было видно и дорогу за нами, и наши спины, и моё не слишком уверенное сидение на Крапиве.

— Тебя когда-нибудь учили ездить верхом? — спросила она наконец.

— На телеге ездил. Близко к совершенству.

— На телеге лошадь не чувствует, как ты пытаешься ухватить её за рот каждый раз, когда она ступает в лужу.

Я отпустил повод. Крапива немедленно прибавила шаг, словно только этого и ждала.

— Так лучше?

— Уже. Спину выпрями. И не сжимай колени так, будто украл седло и боишься, что тебя с него снимут.

Берест подавился смешком. Я посмотрел на него, и он сделал вид, что кашляет. Парень, которого утром пришлось вытаскивать из стремени, сегодня уже считал себя старшим братом в верховой езде. Человеческая память удивительно коротка, когда речь идёт о чужой неловкости.

До полудня дорога шла между полями. После вчерашнего дождя с пашни поднялся тяжёлый запах мокрой земли; пахари ходили по межам и прикидывали, где оставить воду, а где прорезать канавы. По обеим сторонам стояли низкие деревянные знаки. На одном было вырезано колесо, на другом — рыба с человеческими руками. Последний явно поставили не ради красоты: у крошечного мостка через ручей, возле которого он торчал, лежали две пары сапог, подвешенные сушиться на жердь.

— Не смотри на них, — предупредил Берест.

— На сапоги? Они хотя бы целые.

— На знак. Вода здесь чужая. Если долго смотреть рыбе в глаза, вечером заблудишься даже по прямой дороге.

— А если не смотреть?

— Всё равно можешь. Но тогда винить будешь себя.

Я засмеялся. Верёя не вмешивалась: кажется, решила, что пока я спрашиваю о деревянных рыбах, от меня меньше опасности, чем когда пытаюсь спорить о собственном аресте.

У небольшого придорожного столба Твердята остановил коня, достал из сумки сухую лепёшку и отломил четверть. Съел без всякого удовольствия, потом подал Бересту другую. Мне досталась самая большая.

— Ты чего меня откармливаешь? — спросил я. — Вчера на верёвку не посадили, сегодня хлеб дают. Может, я всё-таки государственный гость?

— Гость может уйти, — сказал он. — А я пока не уверен, что тебя можно отпустить.

— Спасибо за ясность.

— Зато кормим.

Лепёшка была с мёдом и орехами. Я начал было отвечать, но не смог: когда во рту хороший мёд, странно тратить его на плохую реплику.

Твердята это заметил и довольно хмыкнул. Потом повернул коня к узкой дороге, уходившей от большого тракта под сосны.

— Отдохнём у старого дорожного двора, — сказал он. — Лошадям вода нужна, а тебе — урок.

— Вчера ты уже рассказал, что я в опасности.

— Сегодня покажу, что с этим делать.

Я бы охотно попросил у Вереи разъяснений, но она прошла мимо так спокойно, будто после ночи в чужой деревне всех пленников обязательно учат воевать. Берест, напротив, обрадовался.

— О, теперь будет весело.

— Когда тебя с седла стаскивали, я тоже веселился, — напомнил я.

— Я тогда почти не пострадал.

— Ты всё ещё в это веришь? После того, как сам себя по имени назвал дважды?

Он толкнул меня плечом. На коне толкаться оказалось опаснее, чем на земле; Крапива возмущённо мотнула головой. Верея даже не обернулась.

— Хватит, — сказала она. — Держите порядок.

Не повышала голоса. Оттого было досаднее: голосом, которым у нас просили передать соль, она могла заставить взрослых мужчин вспомнить, где у них ноги.

Дорожный двор стоял на взгорке, куда летом загоняли телеги, когда низины заливало. Большая крыша лежала на толстых столбах; под ней ещё пахло прошлогодним сеном. Рядом был колодец с воротом, коновязь и маленький домик смотрителя. Смотрителя не оказалось: дверь была заперта, на пороге лежала свежая охапка хвороста. Значит, хозяин далеко не ушёл.

Над колодцем висел медный кружок, покрытый зеленью. Вода под ним не замерзала даже в большие холода — я слышал о таких вещах, но никогда не видел. Когда Берест опустил ведро, из темноты снизу коротко поднялся тёплый пар, а на кружке проступили едва заметные светлые бороздки.

— Кошечева работа? — спросил я.

Твердята напоил своего коня и кивнул.

— Очень старая. Двор строили для обозов, которые шли через северную пустошь. Там воду зимой искали по три дня, а коней теряли чаще, чем груз.

— И колодец до сих пор работает?

— Пока не забывают чистить шахту и менять камень под воротом. Чудо не любит ленивых хозяев.

Я заглянул в воду. Тёплая она или нет, сверху не разглядишь: в тёмной глубине ходили маленькие круги. По правому краю колодца обод прогрызло время, но старый камень под ним действительно был ухожен. Меня всегда радовали вещи, которые продолжают делать работу спустя много лет после мастера. Отца я вспоминал чаще всего именно так — когда находил добротно сделанный черенок, не разбухший в сырости.

— Станный человек был твой Кошечей, — сказал я. — Сначала колодец людям поставил. Потом умер в канаве, откуда его на телеге привезли.

— Он не мой, — ответил Твердята. — И не наш. Такую силу один человек слишком долго считать своей не должен.

Он снял с седла два деревянных учебных меча. Один бросил мне.

Я поймал его за рукоять, повернул в руках. Дерево было гладкое, рукоять обмотана полоской кожи. Оружие настоящее, только без стали; если таким ударить по голове, человек ещё может умереть, хотя историй о славной схватке из этого не выйдет.

— Сначала посмотри, как стоишь, — сказал богатырь.

— Могу и сидя. После вчерашнего мне всё равно.

— А потом как падаешь.

Берест уже принялся освобождать место возле коновязи. Вытащил из-под навеса две длинные жерди, переставил к стене тележный обод. Верёя тем временем спокойно привязала своего коня и принялась вычищать ему копыто. Похоже, смотреть на моё обучение она не собиралась. От этого стало ещё обиднее.

— Ты же видел меня вчера, — сказал я Твердяте. — Я работающий человек. За лопату держался чаще, чем за меч. Может, нам сначала договориться, чего ты хочешь?

— Хочу, чтобы ты прожил достаточно долго и успел научиться задавать полезные вопросы.

— Так я начал.

— Начал с бесполезного. Встань.

Я встал.

Он обошёл меня один раз, будто выбирал место, куда удобнее уронить сноп. Потом ткнул носком сапога в мою левую ступню.

— Разверни. Так.

— Зачем?

— Чтобы при первом боковом ударе не упасть мне под ноги.

— Ты меня уже ударить собираешься?

— Собираюсь дать возможность удержаться.

Я хотел улыбнуться, но заметил, что он совершенно не шутит. Не в смысле суровой важности — просто для старого богатыря удары были такой же обычной частью работы, как для меня рыхление глины.

Первый тычок пришёлся по моему мечу. Я едва успел подставить его под чужое дерево. Второй оказался ниже; мне пришлось отступить. Третий Твердята вовсе не довёл до удара: заметил, как я перенёс вес на заднюю ногу, и носком сапога слегка толкнул мне колено.

Я сел в грязь.

Берест засмеялся. Я поднял на него взгляд. Верёя по-прежнему чистила коня, только угол рта у неё чуть дрогнул.

— Достаточно убедительно, — сказал я, выбираясь из грязи. — Мне теперь за каждую науку садиться?

— Пока будешь держать ноги так — да.

— И сколько раз?

— Сколько понадобится. У меня день свободный.

Во второй попытке я решил не ждать. Пошёл навстречу и попробовал ударить Твердяту по руке. Он отвёл меч, переставил ногу, и я вдруг оказался лицом к его плечу, а дерево моего оружия совершенно бесполезно смотрело в сторону. Если бы в руке старика был настоящий клинок, разговор к тому времени закончился бы.

Я почувствовал, как меня опять выводят из равновесия, и вовремя согнул колени. Удержался.

— Ага! — сказал я.

— Что «ага»?

— Не упал.

— Сегодня первая победа. Запомни это чувство.

Он снова шагнул вперёд. Я упал уже по другую сторону.

После десятой попытки я перестал считать падения. Грязь набилась даже под рубаху, правое запястье ныло. Берест больше не смеялся: поднимал жерди и сам повторял за мной движения.

Твердята бил редко, но выбирал миг, когда я сам готовил себе беду. Глядел я на меч — он менял направление. Пробовал обмануть — не поддавался. Моё дыхание сбилось; его оставалось ровным.

— Что я делаю неправильно? — спросил я наконец.

— Сейчас? Всё сразу.

— Очень полезный ответ. Может, спросить у колодца? Тот хоть камнем разговаривает, а смысл есть.

Он подошёл ближе. Взял мой деревянный меч за середину и отвёл в сторону.

— Смотри сюда.

Я посмотрел на его руки.

— Не сюда. На меня. Целиком. Меч ты видишь и так. Он бывает быстрый и медленный, хороший и плохой. Но прежде чем меч ударит, человек должен передвинуть тело. А если он знает, что ты ищешь глазами железо, он и покажет тебе то железо, которое захочет.

Я попытался припомнить все удары. И понял, что ни разу не замечал его ног до той секунды, когда уже начинал падать.

— Хорошо, — сказал я. — Ещё раз.

Твердята кивнул. Он поднял меч. Я сделал вид, что собираюсь идти прямо, потом быстро шагнул вправо, надеясь заставить его поменять положение. Старик едва заметно перенёс вес, и всё, что я выиграл, — возможность не угодить под следующий удар.

Но уже не упал.

В третий раз я отступил, снова пошёл в сторону и опять сохранил равновесие. Потом заметил, что Твердята начинает почти одинаково разворачивать плечо, когда готовит удар сверху. Не такой уж большой секрет, но его можно было использовать.

Я сделал маленький шаг вперёд, будто собрался наступить на его ногу, и тут же ушёл назад. Старик не купился. Зато впервые ударил действительно быстро, по-настоящему проверяя меня. Я успел подставить оружие и получил по пальцам так, что перед глазами вспыхнула белая искра.

— Вот теперь, — сказал он, — хоть думаешь.

Я растирал пальцы. Думать оказалось занятие болезненное, особенно рядом с человеком, который все мои мысли успевал прочитать по ногам.

— А мой новый дар? — спросил я. — Он разве не поможет?

— Поможет, если ты сумеешь сделать что-нибудь с тем, что увидел. Представь: заметил ты, что меч сейчас пробьёт тебе горло. И что дальше?

— Уберу горло.

— Куда?

Я задумался.

— Вот. А противник за это время уже ударил. Не выдумывай из Следа вторую пару рук.

Веря подошла как раз тогда, когда я наконец перестал ждать подсказки от черноты под левым ребром. Она держала полотенце и небольшую кожаную флягу.

— Выпей, — сказала она. — Твердята плохо считает, сколько человеку нужно воды.

— Это неправда, — возразил тот. — Себе я всегда наливаю достаточно.

Она посмотрела на него с усталой нежностью человека, давно привыкшего к чужому упрямству. Мне было интересно увидеть их рядом без дорожной строгости. Служба не позволяла им стать близкими на глазах у других, но некоторые привычки выдавали знакомство лучше слов.

Я пил жадно, вода потекла по подбородку. Веря забрала флягу раньше, чем я допил до дна.

— Оставь Бересту. Он тоже работал.

— Он жерди носил, — сказал я. — Ему хорошо, если руки не болят.

— У тебя, значит, болят?

— Держат на себе невероятную тяжесть моего нового таланта.

Она вдруг улыбнулась. Не особенно широко, даже недолго. Но у меня от этой улыбки почему-то нашлись силы ещё на два раунда.

Обедать мы собрались поздно. Домика смотрителя никто так и не открыл, зато нашлась небольшая коптильня под навесом. Берест разжёл огонь, Твердята достал из сумки солонину и хлеб, а Верея выменяла у проходивших мимо крестьян кувшин кислого молока за горсть соли. Я вытащил из мешка пирог, который мне передали в Чернотале, и поставил в середину стола.

— Откуда? — спросил Твердята.

— Люди дали.

— Хорошие у тебя люди.

— Бывают всякие. Но пирог делают добрый.

Корочка оказалась сдобной, внутри — капуста и яйца. Я съел один кусок, второй отдал Бересту. Твердята долго выбирал, какой взять, и наконец ухватил самый большой.

— Я старший, — объяснил он.

— А мне говорили, богатырям положено делиться с малолетними.

— Ты уже не малолетний, Лука. Поздно тебе рассчитывать на доброту.

Верея устроилась на краю скамьи и принялась рассказывать о дороге до Вышеграда. На карте, которой у нас не было, это выглядело бы совсем просто: день по тракту, ночёвка возле Лисьих Холмов, затем переправа через небольшую речку, ещё две заставы и столица. В действительности, говорила она, после дождей часть дороги могла провалиться, а у старых столбов иногда начинали показываться чужие тропы. Поэтому ехать собирались без больших остановок.

Я слушал и ловил себя на том, что меня это увлекает. Лисьи Холмы, старые заставы, места, куда я раньше не добирался. Моя жизнь ещё вчера умещалась между двором, речкой и погостом. Теперь мне казалось тесно от одной мысли, что можно остаться в Чернотале до самой старости. Вряд ли так следовало думать человеку под конвоем, но желания редко заботятся о приличиях.

— А столица красивая? — спросил я.

— Да, — ответила Верея.

— А сапоги там хорошие продают?

— Продают.

— А хорошие женщины?

Она медленно повернула ко мне голову.

— Женщин там не продают, Лука.

— Я не об этом спросил.

— Тогда сам научись говорить так, чтобы тебя не приходилось уточнять.

Берест захохотал с набитым ртом. Твердята пожал плечами, будто обсуждалась вполне обычная торговая мера. Я поднял чашку с кислым молоком в знак признания поражения, но Верея уже смотрела вдоль дороги, где между сосен мелькнула полоса серого света.

— Вон наши люди, — сказала она. — Вozy с солью. Надо узнать, насколько размыты низины.

И вправду, к двору медленно поднимался обоз: две тяжёлые телеги под рогожами, узкая повозка с сеном и двое верховых. Один возница шёл рядом с первой лошадей, сердито размахивая кнутом. Колёса увязали в глине, и каждое движение давалось с таким звуком, будто кто-то рвал мокрое полотно.

— Здесь не повернут, — заметил я. — Нижнее колесо в колее осталось. Если станут тянуть прямо, ось сломают.

Твердята доел пирог, вытер пальцы о тряпицу и встал.

— Пойдём покажешь.

Я посмотрел на него. После утренней науки чудилось, что это очередная проверка, за которую меня снова посадят в грязь. Но обоз действительно нуждался в помощи. Берест уже пошёл навстречу с верёвкой.

Возницу звали Шемяка, и человек он был из тех, кому легче опрокинуть телегу, чем признать, что дорога выбрана неверно. Он спорил с каждым, кто подходил, и в промежутках ругал коней, колею и собственный прошлогодний выбор жены.

— Чего вы лезете? — спросил он, увидев наш отряд. — Обоз идёт как умеет, а когда захочу совета, сам за ним схожу.

— Пока сходишь, колесо твоё само уйдёт, — сказал я. — А под грузом его далеко искать придётся.

Шемяка оглядел мой грязный кафтан и разинутые сапоги.

— Ты-то кто? Дорожный мудрец?

— Могильщик. Удобная профессия: всегда знаешь, чем кончается упрямство.

Его люди засмеялись. Шемяка не оценил.

Передняя телега действительно сидела на боку. Левое колесо вязло в яме, куда сползла вода с холма, правое ещё держалось на твёрдом краю. Ось перекосило, а тяжёлая соляная бочка сзади сдвинулась к борту. Лошади дышали паром, пытаюсь вытянуть груз вверх.

— Придётся разгрузить, — сказал я.

— В таком месте? Ты мне сначала скажи, куда бочки складывать. Прямо в грязь? Мне их потом солёной водой продавать?

— Надо подложить жерди под переднее колесо, снять натяжение, а бочки сдвинуть к правому борту. И коней отвязать на время. Они только сильнее ось ломают.

Шемяка хотел спорить, но Твердята подошёл и встал рядом со мной. Не произнёс ни слова. Просто посмотрел на телегу, затем на Шемяку. Иногда богатырю достаточно быть огромным, чтобы в разговоре появился порядок.

Мы взялись за дело. Берест с обозниками таскал жерди, Верея держала лошадей, следя, чтобы испуганные животные не ударили копытами по рабочим. Я полез под телегу, нащупал осевой клин и велел ослабить крепление. Шемяка стоял рядом, делая вид, что все решения принял сам, и время от времени предлагал переставить жердь туда, где она уже лежала.

Когда почти всё было готово, с холма донёсся громкий треск.

Мы обернулись. Выше дороги стоял старый навес для леса. Под ним лежали брёвна, связанные поперечным брусом. Кто-то давно снял один из нижних клиньев на хозяйственные нужды, а вчерашний дождь окончательно размыл опору. Теперь вся тяжесть покатила к дороге. Сначала одно бревно двинулось на ладонь. Потом второе. И вдруг вся кладка начала расползаться.

— От телеги! — крикнула Верея.

Люди бросились в стороны. Я успел выскочить из-под оси, когда первое бревно уже ударило по склону и подпрыгнуло. Оно было длинное, тяжёлое, с сучьями, способными пробить человека насквозь, если он станет на пути. Две телеги перекрывали проход; справа шла канава, полная воды, слева — низкая стенка старого двора.

И там, возле стенки, стояла Крапива.

Моя кобыла была привязана слишком коротко, чтобы отойти, а вместе с ней — узкий выучный конь из обоза. За его повод держался мальчишка в большом колушке, явно не старше Гришки. Он пытался отвязать узел, но пальцы у него не слушались.

Я бросился к нему. Не потому, что оказался особенно храбрым; просто расстояние было такое, что ещё можно успеть, если не останавливаться и не считать препятствия. За мной крикнула Веря.

— Лука, стой!

Я уже добежал до стенки, выхватил нож и начал резать узел. Верёвка была мокрая и тугая. Первый раз лезвие лишь скользнуло. Сверху грохнуло. Камни из-под брёвен посыпались на дорогу.

— Отпусти повод! — приказал я мальчишке.

— Конь убежит!

— Пусть! Сегодня от него требуется одно: остаться живым!

Второй раз нож вошёл глубже. Узел поддался, конец верёвки лопнул. Я подтолкнул мальчишку к стене, схватил Крапиву за гриву и потянул в проход между телегой и канавой. Она шарахнулась, копытом попала мне на сапог. Я взвыл и почти упал, но успел толкнуть её за телегу. Освобождённый тем же узлом выучный конь вырвался в другую сторону двора; за ним уже бежал обозник. Мальчишка побежал следом.

Первое бревно ударилось в дорогу. Удар был глухой, мощный, словно под землёй что-то треснуло. Второе зацепилось за сучья первого и понеслось боком, разворачивая концы прямо на упряжь. Коней можно было спасти только если изменить направление удара; подставить человека под такой вес означало лишиться головы.

Твердята оказался возле телеги раньше, чем я успел обернуться.

Он не бросился ловить бревно голыми руками. Поднял с земли тяжёлый возовой щит, который Шемяка держал вместо настила, развернул его под углом и упёр краем в дорожную стойку. Потом вошёл под сходящее бревно плечом и согнул ноги. Я видел его спину сквозь брызги и пыль: широкую, прямую, словно стена. Бревно ударило в щит, щит выгнулся, край стойки треснул. Твердята отбросило на полшага, но он не упал и не разжал рук.

Кость.

Я ещё вчера слышал это слово. Сейчас увидел, что оно значит.

Не вспыхнул свет, не заговорили камни, не появился призрачный богатырь над плечом старика. Просто человек выдержал удар, от которого у обычного воина сложились бы рёбра и раздробились плечи. И тут же сделал следующее, вполне человеческое: с хриплым усилием отвёл щит вправо, направляя бревно в пустую канаву. От толчка его сапоги проскользнули по мокрой земле, но он удержался до самого конца.

Бревно рухнуло в воду, подняв грязный фонтан.

Твердята отступил, прислонился к стене. Лицо у него побледнело. Он медленно разжал пальцы, и щит с треснувшим ободом свалился на землю.

Веря подбежала к нему.

— Где больно?

— В плече.

— Покажи.

Он неохотно снял плащ. Под кольчужным рукавом быстро проступал тёмный ушиб. Плечо слушалось, но каждое движение давалось ему тяжело. Веря велела Бересту принести холодной воды. Я стоял неподалёку, всё ещё не веря, что Крапива, мальчишка и обоз остались живы.

— Ты что же, — спросил я Твердята, — можешь так хоть каждый день?

— Если будешь каждый день брёвна на меня ронять, — ответил он, — перестану тебя учить.

— Я серьёзно.

— И я. Кость удержала меня целым, но удар никуда не делся. Болит мясо, тянут жилы, в груди неприятно. Если бы я поймал конец головой или подставился прямо под всю кладь, сейчас бы мы разговаривали уже не здесь.

Он поморщился и позволил Верее прижать к плечу мокрое полотно. Его силы хватило, чтобы спасти обоз. Не хватило, чтобы превратить происходящее в лёгкое развлечение.

Я посмотрел на свой нож. Простой, с деревянной рукоятью, он лежал в грязи возле разрезанной верёвки. Я поднял его. Никогда прежде мне не хотелось иметь настоящую боевую силу так сильно, как в эту минуту.

— Научишь? — спросил я.

Твердята приподнял бровь.

— Костью пользоваться?

— Биться так, чтобы не мешаться под ногами, пока другие спасают людей.

Он долго смотрел на меня. Потом неожиданно ухмыльнулся.

— Вот теперь разговор о деле.

Шемяка оказался человеком широких порывов. Сначала трижды объявил, что без нас обозу конец. Потом предложил Твердяте половину бочки соли — очень щедро, если забыть, что полбочки у него всё равно ушло бы на повреждённый настил. Богатырь отказался, но не без труда: солёное мясо ему нравилось больше большинства человеческих речей.

Мне достались два медяка и старый, зато крепкий конский ремень для Крапивы. Я принял и то и другое. Не из жадности даже: после кузницы понял, что приятнее всего получать награду не за случайную удачу, а за работу, которую действительно сделал.

Мальчишка, спасённый из-под брёвен, подошёл к нам уже после того, как возы выбрались из колеи. Звали его Лёня. Он держал в руках небольшую деревянную фигурку коня: грубо вырезанную, с одной короткой ногой. Подарил мне, не сказав ни слова.

Я посмотрел на фигурку, потом на него.

— Это что?

— Конь. Сам делал.

— Вижу, что конь. Почему мне?

Он пожал плечами.

— У меня другой есть. Лучше.

Мне захотелось рассмеяться, но передумал. Взял фигурку и сунул за пазуху.

— Тогда спасибо. А ты, смотри, за повод больше не цепляйся, когда вокруг брёвна летят.

— Я хотел коня не бросать.

— Правильно хотел. Только сначала самого себя сохрани. Конь потом тебе за это ещё и спасибо скажет — если научится разговаривать.

Лёня серьёзно кивнул и пошёл к обозу. Верее наблюдала за ним, пока он не забрался на повозку. Потом повернулась ко мне.

— Ты мог погибнуть там, у стенки.

— Мог.

— Ты не знал, куда пойдёт второе бревно.

— Не знал. Видел, что кобыла стоит привязанная. А мальчишка — рядом.

Она коротко кивнула, будто услышала именно тот ответ, который не хотелось бы услышать во второй раз.

— В следующий раз скажи раньше, куда собираешься броситься. Я могла тебя прикрыть.

— Ты же сказала стоять.

— И что? Ты ведь не послушался.

Я посмотрел на неё. Вчера эта женщина грозила связать меня и увезти к князю. Сегодня ругалась потому, что хотела успеть помочь. Перемена была небольшая, но я её заметил.

— В следующий раз, — сказал я, — сперва крикну.

— Не обещай, если не сумеешь выполнить.

— Попробую. Это ближе к правде.

Она улыбнулась краешком губ. Я вдруг подумал, что её улыбки стоят дорогого: за всю дорогу видел две, а уже привык ждать третьей.

Вечером мы остались при дорожном дворе. Уйти дальше сразу после происшествия не вышло: Твердята требовалось время, чтобы восстановить дыхание и плечо, а Крапиве — новое крепление уздечки. Верея приняла решение без советов; Берест выслушал и отправился рубить дрова.

Я остался с Твердятой под навесом. Старик держал чашку с горячей водой, в которой плавали две веточки сушёной мяты. На столе лежали деревянные мечи. Я осторожно поднял свой, проверяя, как слушается натёртая ладонь.

— Не терпится? — спросил богатырь.

— Пока не понял, чего больше хочется: научиться драться или хотя бы один день не падать в грязь.

— Первое без второго бывает редко.

Он подвинул мне скамью.

— Сядь. Расскажи, что видел у бревна.

Я удивился.

— Да всё. Покатилось, кобылу чуть не убило, ты щит подставил.

— Нет. До того.

Я вспомнил, как трещала опора, как посыпался песок с вершины холма, как одно бревно сперва сдвинулось на ладонь, потом потянуло остальные. Объяснил ему, где стоял мальчишка и отчего мне понадобился нож.

Твердята слушал, не перебивая. Потом сказал:

— Видишь, много чего успел заметить. Не Следом, обычными глазами. Ты раньше так за людьми следил?

— За вещами. Ямы копал, телеги чинил. Если чужая доска треснет у тебя под ногами, поздно жаловаться, что её плохо сделали.

— Вот это и береги. Сильному человеку часто кажется, что он может позволить себе не замечать мелочи. Пока не получит по голове из-за чужого плохо забитого гвоздя.

Он показал ладонь: по среднему пальцу шёл старый белый шрам, искрививший ноготь.

— Когда-то я проиграл бой одному сухонькому мужику. Думал, сомну его одним плечом. Он подстроил мне ногу под тележный обод. Никакая Кость не спасает от того, что ты стоишь дураком посреди чужой победы.

— И чем закончилось?

— Откупился собственным конём. Тогда у меня был конь лучше нынешнего. Очень хорошие ноги имел.

— А потом?

— Потом женился.

Я не удержался:

— На ком? На том мужике?

Твердята долго смотрел на меня. Потом рассмеялся так громко, что из соседнего стойла обиженно фыркнула лошадь.

— На его сестре, — сказал он. — Она всю зиму рассказывала мне, что хороший конь ушёл к умному человеку, а сама досталась дураку.

— Справедливая женщина.

— Очень. Потому мы и разошлись. Я всё пытался доказать обратное.

Впервые за день Твердыта показался мне не старой скалой, а человеком, который куда больше прожил, чем собирался рассказывать. Мы поговорили ещё о конях, о деревенских ярмарках и о том, почему в некоторых северных городах мастера берут плату за работу только после первого мороза. Должно быть, разговор был длиннее, чем позволяла служба: Верея дважды проходила мимо и ни разу не велела нам замолчать.

Наконец старик поднялся. Плечо у него всё ещё болело, но он уже двигался свободнее.

— Завтра с утра попробуешь снова, — сказал он. — Только без красивых выходов. Хочу, чтобы ты умел стоять, прежде чем начнёшь побеждать.

— А если я уже хочу побеждать?

— Тогда особенно надо научиться стоять.

Вечер, однако, ещё не кончился.

Солнце село за холмы. Верея велела Бересту насыпать песок перед воротами: по свежей полосе можно было заметить следы чужого коня, если кто-то попробует пройти ночью. Я помог ему, потому что занятие было мне понятно и нравилось больше, чем сидеть под охраной. Потом мы завели лошадей под крышу и проверили подпруги. Берест, в отличие от вчерашнего дня, каждую застёжку потрогал собственными пальцами.

— Ты теперь так всю жизнь делать будешь? — спросил я.

— Пока жив.

— Похвально. Мне тоже хотелось бы.

Он усмехнулся, вытряхнул из рукава песок и принялся наматывать верёвку. В этот миг я увидел на его горле знакомую тёмную черту.

Не такую яркую, как у погостных ворот, и совсем на мгновение. Она уходила не к седельному ремню. В сторону леса.

Я повернулся туда. За плетнём уже темнело; молодые сосны стояли плотно, между стволами начинался мокрый бурелом. Ничего не шевелилось. Но когда я прошёл к воротам, возле дороги раздался едва слышный металлический щелчок — звук, какой бывает, если кто-то задевает пряжкой о камень.

— Берест, — сказал я тихо. — Позови Верею. Только не оглядывайся.

Он застыл.

— Что?

— Позови. И не делай вид, что собираешься геройствовать. У тебя получается слишком заметно.

Берест ушёл к навесу. Я присел за низкой стенкой и осмотрел подступы. Дорога тянулась мимо двора, за поворотом уходила под сосны. На мокрой земле, куда после дождя редко ступали, блестела полоска песка, которую мы только что насыпали. По ней никто не прошёл.

Зато на старом пне возле края леса сидела сорока. Она сердито покрикивала, нагнув голову к земле, будто видела что-то между корней. Птицы, особенно лесные, не любят, когда возле их ночлега появляются чужие.

Верея подошла справа, не звякнув ни единой железкой.

— Что увидел?

— У Береста была нить. Потом туда ушла. И в лесу кто-то есть.

Она не сказала, что я выдумываю. Присела возле стены, посмотрела вдоль дороги. Потом положила ладонь на мой локоть, отводя его от края, где он мог попасть под выстрел.

— Не поднимайся.

Твердыта вышел из-под навеса, уже со щитом. Он остановился в тени столба и посмотрел не в лес, а на наши лица. Этого оказалось достаточно, чтобы понять: вечерняя прогулка кончилась.

Из чащи слышался голос.

— Эй, дорожные! Скажите, где здесь воду набрать?

Голос был мужской, низкий, нарочно беззаботный. Так разговаривают люди, которые надеются, что никто не спросит, почему они пришли к чужому двору после заката.

Веря не ответила сразу. Дала Бересту знак отойти к лошадям.

— Колодец слева от ворот, — сказала она. — Подходите по дороге, руки держите на виду.

— Да мы люди мирные, — донеслось из чащи.

— Тем проще выполнить просьбу.

Сосны шевельнулись. Первый человек вышел к дороге, держа пустое ведро. На нём был дорожный плащ, под которым угадывалась короткая кольчуга. Второй остался за деревьями.

Я видел, как первый делает шаг, другой. На его поясе висел охотничий рожок, а рядом — аккуратно свёрнутая верёвочная петля. Не та, какой привязывают скотину. Та, которой ловят живого человека, чтобы тот не успел вытащить нож.

Я вдруг понял: меня ищут уже здесь. Не абстрактные княжеские люди, не тёмная судьба Кошея, а конкретные охотники с ведром для виду и петлёй под плащом.

Твердята медленно вышел из-под навеса.

— Воду получишь, — сказал он. — Только рожок с пояса сними. И верёвку положи на землю.

Человек с ведром остановился. Попытался улыбнуться.

— Дед, ты чего? Я ж пить просил.

— Вот и попьёшь. Если не начнёшь кликать остальных.

В лесу негромко свистнули. В ответ за нашим двором прозвучал другой свист — совсем близко, со стороны коновязи.

Веря уже поворачивалась к задним воротам.

Берест схватил меч. Твердята поднял щит.

Крапива рванула привязь у стены. Возле горла Береста на миг возникла чёрная нить и потянулась вниз, к мокрому песку перед воротами. Он как раз собирался вывести лошадь.

Я разжал пальцы на деревянном учебном мече и потянул из-за пояса нож.

Сегодня Твердята обещал показать мне, как надо стоять.

Оставалось выяснить, сумею ли я применить это не против деревянной палки.

Глава 4. Кого берёт смерть

Крапива дёрнулась ещё раз. Нить у горла Береста уходила не к лесу, а вниз, в мокрый песок у ворот, где он собирался провести лошадь.

— Берест, не выводи её! — крикнул я.

Он уже взялся за повод. От моего голоса отдёргнул руку, а Крапива воспользовалась этим, чтобы встать поперёк стойла и выразить своё отношение к людям. За воротами человек с ведром улыбнулся. Улыбка вышла запоздалой: похоже, он тоже понял, что любезный разговор закончился.

— Последний раз прошу, — сказала Верея. — На дорогу. Руки так, чтобы я видела.

Вместо ответа из сосняка щёлкнула тетива.

Стрела пришла не в неё. Она ударила в столб возле Твердыты, сорвав с дерева длинную щепку. Старик поднял щит, и следующая стрела вошла в обод с тихим, мокрым стуком. Её древко было обёрнуто серым войлоком у самого наконечника — потому мы и не слышали полёта.

— Под крышу! — приказала Верея Бересту. — Коней отвязать, но к воротам не вести. Лука, за мной!

Я поспешил к стене, едва не зацепив носком её плащ. В старых сказаниях на этом месте герой обычно выхватывал меч и бросался навстречу неприятелю. Мой единственный боевой меч лежал у навеса, был деревянным и за сегодняшний день доказал, что даже в таком виде опаснее всего для собственного хозяина.

Верея выдернула из седельного крепления копьё. Развернула его так, чтобы острие смотрело вдоль дороги, а не в человека с ведром. Я понял зачем, только когда справа за поленницей шевельнулся ещё один плащ. У нас получалось двое спереди, один у лесного края и кто-то сзади, возле коновязи. Возможно, больше. Я видел лишь тех, кого успел заметить.

Двор стоял на невысоком холме. Большие ворота выходили к дороге и соснам; за коновязью тянулась задняя ограда с узкой калиткой к стоку, по которому весной уходила талая вода. Рядом была скотная створка: через неё проходила одна лошадь, но не повозка. Слева под навесом находился колодец с тёплой Кошечьей водой. Справа теснились два стойла, сложенные из брёвен, и низкая стенка старого двора. По сторонам прохода лежала свежая песчаная полоса, которую мы сами засыпали перед сумерками.

Теперь мне казалось, что мы собственными руками приготовили людям удобное место для охоты.

— Назад от ворот, — сказал я Бересту. — На песок пока не веди.

— Почему?

— Ловушки не вижу. Но нить у твоего горла тянется к песку у ворот.

Твердыта, не оборачиваясь, бросил:

— Объяснения потом. Живые люди сначала.

Человек с ведром резко присел. Из-за его спины вылетела короткая сеть с грузиками. Она ударилась о порог ворот, распустилась широкой дугой и вдруг потянулась сама собой. По двум медным кольцам пробежал слабый жёлтый свет. Сеть не летала — она сжималась, собирая края, будто её дёрнули сразу за четыре конца.

Верея подставила древко копья, упёрлась ногой в землю и не дала сети обхватить проход. От натяжения дерево закрипело. Один грузик ударил в щит Твердыты, второй сшиб деревянную миску со стены. Миска раскололась, и я почему-то успел пожалеть: мы из неё только что ели.

— Якорь! — рявкнул Твердыта.

— Справа, — отозвалась Верея. — За бочкой!

Он метнул вперёд тяжёлый щит, не выпуская ремня. Окованный край щита сбил один из грузиков и порвал сетяную дугу. Остальные грузики брызнули по песку. Из-за бочки вскрикнул человек. Верёя шагнула за воротный столб и ударила копьём в место, куда он собирался выпрыгнуть. Я не видел, попала ли она, но противник перестал пытаться выйти к нам.

Зато возле стойл раздался короткий свист, совсем иной, чем лесной.

Крапива рванула повод, Берест успел схватить его обеими руками. Под песком что-то шевельнулось. Тонкая тёмная верёвка поднялась поперёк прохода, сперва на ладонь, потом к самому колену лошади. Крапива, испугавшись, отпрянула в стойло. Берест полетел за ней.

— Отпусти! — заорал я.

Он не отпустил. Седельный ремень натянулся ему на руку, и я увидел, как возле его шеи вспыхнула чёрная нить. На этот раз ясно: не конец его жизни где-то потом. Вот этот миг, эта привязь, этот вес коня, который сдвигал его к столбу.

Я бросился к коновязи, пригнувшись так низко, что едва различал мокрые доски перед собой. Из леса снова щёлкнула тетива. Стрела вошла в стенку стойла выше моей спины.

— Лука! — услышал я голос Верёи.

Я достал нож. Сначала потянулся к ремню на руке Береста, но тот лежал поверх поводка и уже врезался в рукав. Если резать сейчас, лошадь ударит его копытом в голову. Пришлось схватить конец повода у кольца, развернуть его через столб и дать слабинку. Крапива переступила назад. Берест наконец выдернул руку, рухнул на колени и выругался таким словом, которое я у него ещё не слышал.

— Живой? — спросил я.

— Был. Пока ты не начал допрашивать.

— Отлично. Ругаться можешь — значит, позже попросим тебя поблагодарить.

Он попытался встать и сразу побледнел. Из-под куртки у ключицы торчало короткое стрелковое древко. Не видел, когда попало. Не глубокая рана, судя по тому, как он двигал плечом, но кровь уже пропитала ворот.

У меня стянуло живот. Смерть не обещала появляться вместе с каждой раной; если я не видел нити, это ничего не говорило о том, насколько человеку больно.

— Сиди ниже, — велел я. — И не трогай древко. Слышишь? Потом достанем как следует.

— Я не малолетний.

— Тем более пора научиться слушать.

Над крышей стойла ударило железо о железо. Верёя с кем-то сцепилась у ворот. Твердыня отрезал ей дорогу к лесу щитом и, судя по звукам, делал это очень решительно. Я высунулся на палец выше стенки и увидел четвёртого охотника: тот лежал на брюхе за низким изгородным камнем, держал небольшой самострел и целился в проход между колодцем и воротами. Нить у Береста пропала.

Мне хотелось считать это хорошей новостью. Но стоило вспомнить, сколько людей успевает умереть без моего разрешения, и радости не осталось.

— Они хотят тебя, — сказал Берест.

— Я уже догадался. А ты, значит, шёл бесплатным приложением.

Берест прижал ладонь к ране, хотел огрызнуться, но вдруг посмотрел на меня иначе.

— Ты же мог оттуда не вернуться.

— Мог. Вот потому и не люблю, когда меня заставляют бегать после ужина.

У наружной стены шлёпнулось ведро. Вода пошла по земле к стойлам. Я увидел, как тёмная верёвка, поднятая из песка, натягивается в сторону задней калитки. Её конец уходил не в лес. Он шёл вдоль нижнего бревна, к железной скобе в столбе, на которой раньше держали запасную подпругу. Скоба была старая, прочная. А вокруг неё накрутили тонкий конопляный шнур с медной нитью.

Тот, кто ставил ловушку, знал, какой столб выдержит натяжение. И рассчитывал, что мы поведём лошадей к большим воротам.

Я показал ему сток за калиткой. Он был узким, завален старым хворостом, но дальше уходил вниз по склону, под рощу ольхи. Туда не смотрел ни один из передних стрелков: все выжидали, когда мы сами полезем в ворота. Однако сзади стоял ещё кто-то, и тёмный шнур на скобе держал весь проход к стоку под контролем.

Из щели между досками мне была видна дорога. Твердята стоял за воротным столбом, выставив щит наискось. Две стрелы торчали в нём, третья лежала в песке. Старик не лез на рожон: с его места он видел лесную кромку и одновременно заслонял собой проход к колодцу. Верея тем временем вышла на несколько шагов вперёд, заставив человека с ведром отступить. Тот уже бросил ведро, вынул короткую саблю и держал её низко, будто собирался резать ноги. Не глупый противник. По словам Твердыты, с таких неприятности и начинаются.

Верея вовсе не смотрела на саблю. Она двигалась медленно, по дуге, сохраняя между собой и охотником расстояние чуть больше длины его клинка. Когда тот рванулся к ней, она не встретила сталь сталью. Просто повернула копьё, сбила его руку поперёк собственной груди и ударила тупым концом древка под колено. Он сел в песок, успел поставить локоть, но следующий удар пришёлся в плечо. Сабля выскользнула из пальцев.

— Живым нужен? — спросил Твердята.

— Пока да, — ответила Верея и приставила острие к горлу охотника. — Сколько вас?

Человек помолчал, кривясь от боли. Из леса раздался короткий высокий свист.

— Уходи с дороги! — крикнул я.

Верея успела отскочить. Из-за крайней сосны вышел лучник и выпустил стрелу туда, где она стояла. Стрела прошила плащ поверженного товарища, не задев его. Значит, своих они берегли, но не особенно нежно.

На поясе у сидевшего охотника висел небольшой рог в обшитой кожей оправе. Он схватился за него здоровой рукой. Верея ударила концом копья по запястью. Рог покатился под воротную перекладину и остановился у колеи.

— Там ещё один, — сказал Твердята Верее. — У колодца. Не выходи в середину.

— Знаю.

У большой двери коновязи закрипела петля.

Появился человек в коротком буром плаще. На правом предплечье у него был намотан тугой шнур, а в левой руке — железный крюк с поперечиной. Когда он поднял руку, медная нитка на скобе засветилась. Трос пополз по песку, складываясь в две петли. Одна легла под передние ноги Крапивы, вторая — поперёк порога задней калитки.

— Отдай могильщика! — крикнул он. — Тебе-то, богатырь, какой с него прок?

Твердята повернул голову ровно настолько, чтобы ответить:

— Никакой. Он ест много.

— Сдашь его — остальным дадим уйти, — продолжал охотник.

— И коней? — уточнил старик.

— И коней.

— Не пойдёт. Они нам не свои.

Человек в буром плаще не понял, шутит ли богатырь. Я тоже не был уверен. Но ответ дал мне время рассмотреть шнур.

Это было Узелье — на ярмарках я слышал о нём, но не верил. Две петли ползли по песку, медные кольца подрагивали в такт руке охотника. Сами они никого не душили: требовалась опора — столб, стена, чужая нога. Волшебство не заменяло хорошую верёвку. Оно позволяло тянуть за неё издалека.

Скоба у стойла служила якорем. Вырвать её — и натянутый шнур хлестнёт через проход, прямо к Бересту.

Я невольно вспомнил Твердыту: сначала посмотри, куда человек переносит тело. А отец добавил бы: и куда пойдёт доска, когда выпустишь гвоздь.

Верёя отступала к колодцу. Я заметил, как она ещё раз проверила глазами наш задний проход. Что бы она ни хотела сделать, раненый Берест мешал ей отрезать охотника от стойл. А Твердыта не мог оставить ворота: снаружи сразу двинулись бы лучники.

Значит, оставался я.

— Берест, — прошептал я. — Когда я скажу «к колодцу», ты пойдёшь туда по стене. Не прямо. По стене. Верёя тебя встретит.

— А ты?

— Мне нужно кое-что испортить.

Он хотел спросить ещё, но я уже двинулся к скобе.

От навеса до стойла было восемь шагов. Первые три я прошёл за досками, следующие два — за низкой бочкой, в которой держали песок. Потом укрытие кончилось. Охотник увидел меня сразу. Поднял крюк, но не кинулся. Ему требовалось, чтобы я сам наступил в петлю.

— Вот он, — сказал мужчина. — Стой на месте, парень. Тебе лучше без лишнего вреда.

— Тогда зачем вы Береста подстрелили?

— Он сам выскочил.

— Занятное правило. Если мне понадобится ударить тебя по носу, скажу, что нос сам оказался не там.

Он шагнул навстречу и взмахнул крюком. Я успел заметить, как сначала пошло плечо, а потом рука. Сделал обманный шаг вправо и отпрыгнул назад, прежде чем поперечина достала мне до запястья. Не особенно ловко, но ноги остались подо мной. Твердыта наверняка назвал бы это огромным достижением для человека, который утром падал почти без посторонней помощи.

Его крюк описал вторую дугу. На этот раз я попытался уйти влево. Ошибся с расстоянием: поперечина ударила по моему ножу, выбив рукоять из пальцев. Нож упал в песок возле кольев ограды. Боль пронзила большой палец.

Охотник рванулся ближе. Я пригнулся, как на учении, и не стал пытаться схватить оружие. Вместо этого отступил к коновязному столбу. Он пошёл за мной, уверенный, что загоняет в угол. Всё было почти так. Но прежде чем он приблизился, я нагнулся, подхватил стоявшую у столба жердь для чистки навеса и упёр её концом в землю.

Он ударил сверху. Я поставил жердь наискось. Крюк скользнул по древесине, зацепился за сучок и потянул её вниз. Я отпустил верхний конец, всей тяжестью навалился на нижний. Жердь провернулась у его ног, и он вынужден был переступить через неё, чтобы не рухнуть лицом в песок.

На миг медная нитка на его предплечье погасла. Верёвочные петли остановились.

Я понял главное: Узелье двигалось, только пока человек удерживал шнур натянутым. Стоило ему сменить хватку, петли начинали лежать как самые обыкновенные верёвки.

Но проверить догадку второй раз мне не дали.

Из леса просвистела стрела. Она ударила в жердь на уровне моей груди, расколола сухой сучок и застряла, дрожа. Я бросил деревяшку, упал за бочку и понял, что левую щёку мне рассекло щепкой. На пальцах осталась кровь.

Над колодцем снова щёлкнула тетива, и в тот же миг Верёя вышла из-за столба. Я не видел, откуда она взяла второй щит — кажется, сняла с седла, — зато отлично видел, что сделала дальше. Она подставила его под стрелу наискось, дала наконечнику скользнуть по металлическому краю и за три длинных шага подошла к человеку за бочкой. Тот попытался выставить перед собой длинный нож, но его рука оказалась слишком близко к телу. Верёя ударила копьём под запястье, сменила хват и прижала его щитом к стене колодца.

Я не понимал, как она сумела остановиться после такого броска, не потеряв равновесия. Твердыта был прав: мастерство не начинается с хорошего меча. Оно начинается с ног. Пока я не мог делать так же, зато был достаточно разумен, чтобы этому завидовать.

— Лука, я могу идти. Только рука плохо поднимается.

— Поднимай другую. Держаться за Верею тебе всё равно одной хватит.

Он пробрался вдоль стены, не отнимая ладони от ключицы. Верея встретила его возле колодца и сразу увидела рану. Лицо у неё не изменилось, но голос стал резче.

Мне хотелось, чтобы она ответила чем-нибудь ядовитым. Но Верея уже осматривала Берестово плечо, а на дороге послышался протяжный звук рога. Только не того, который валялся у ворот. У лучников имелся свой.

Рог из леса протянул один сигнал, ему ответили два коротких свиста.

Слова, произнесённые свистом и рогом, мне были неизвестны. Зато люди отлично понимали, что делают: оба стрелка одновременно сдвинулись ближе, рассчитывая держать ворота под перекрёстным обстрелом. Один шёл по камням вдоль правой ограды, другой перебежал от сосны к сосне. Они стягивались, чтобы отрезать не только дорогу, но и отход вдоль забора.

Твердыта отступил к нам. На его щите прибавилось стрел. Одна, вероятно, прошла через обод: когда он перехватил ремень, я заметил кровь на внутренней стороне его ладони.

— Сможем прорваться? — спросил я.

— Впереди — да, — сказал богатырь. — Но Береста там добыют. Задняя калитка тоже под путами. И они ждут, что мы повезём тебя верхом.

— А если поведём пешком?

— Тогда будут резать пешего. Это облегчает им дело.

Человек со шнуром тем временем вернулся к столбу. Я приподнялся из-за бочки и заметил, что он уже осторожнее: держит крюк ближе к груди, старается не делать широких замахов и смотрит мне под ноги. Учится, гад. Было бы гораздо удобнее, если бы он оставался дураком.

Он не ответил и потянул шнур. Петля поползла ко мне вдоль песчаного края бочки. Я едва успел подхватить ноги. Верёвка сомкнулась на пустом месте и дёрнулась обратно, задев доски. Одна медная петелька застряла в щели.

Тут я и придумал, что можно сделать.

— Твердыта! — крикнул я. — Нам нужна задняя калитка. Поможешь с рычагом?

— Лука, — предупредила Верея, но я уже показал на скобу.

— Ремнём оттянем шнур к стойлу. Петли уйдут с прохода.

— А он? — спросила она.

— Будет тянуть обеими руками. Бросит крюк, и я доберусь до узла у него на запястье.

— Дай длинный ремень с кольцом. Подхвачу шнур у скобы, а Твердыта нажмёт на жердь.

Она сняла с пояса запасной конский ремень, бросила через открытое место. Поймал, не высовываясь из-за бочки. Словно кому-то, кроме меня, было важно, чтобы в этот день хоть одна вещь досталась целой.

Ремень оказался достаточно длинным. Я перекинул ремень под натянутый конопляный шнур у самой скобы, обвёл оба конца вокруг стойлового столба и стянул через кольцо, как отец учил связывать тяжёлые доски перед перевозкой. Под ремень подсунул оставшуюся жердь. Если нажать на неё, опорой станет столб, а рабочий шнур уйдёт в сторону стойла.

Я поддал жердью на себя. Скоба осталась на месте. Зато подхваченный ремнём шнур передвинулся на ладонь. Медные кольца дрогнули. Обе петли Узелья ушли влево, туда, где коновязь отделяла стойла от стока. Охотник выругался и перехватил свою верёвку повыше.

Я отпустил жердь. Та с треском ударила по нижнему бревну. Охотник дёрнулся и почти потерял равновесие; петля на его предплечье ярко вспыхнула, грузики скакнули к нему. Пришлось держать шнур уже двумя руками.

— Сейчас! — крикнул я.

Твердята вышел из-за воротного столба. Не кинулся в сторону лучников — это было бы бессмысленно. Он повернул щит ребром, защищая голову, и пробежал поперёк двора к коновязи. Два стрелка успели выстрелить. Одна стрела вошла в щит, другая звякнула о железную скобу ворот. Богатырь добрался до моего рычага, упёрся в него плечом и коротко, почти буднично нажал.

Дерево скрипнуло. Обвязка натянулась. Старый столб выдержал, а конопляный шнур, за который держался охотник, резко переменял направление.

Его руки потянуло в сторону стойла. Охотник уже не мог вести петли к Бересту. Он пытался отойти, но натяжение заставляло его следовать за собственной верёвкой, как рыбу на леске.

— Держу, — произнёс Твердята. — Недолго.

Я выскочил из-за бочки.

Охотник успел бросить крюк на землю, схватил шнур ближе к медным кольцам и вывернул руки. Петля рванулась к моей голени. Ещё шаг — меня собьёт, и охотник окажется сверху раньше, чем Твердята отпустит рычаг.

Я отступил. Потом шагнул вперёд, показав ему левую ступню, и, едва тот потянул петлю, перенёс вес назад. Как утром перед старым богатырём. Не лучше, не изящнее, но на этот раз мой противник действительно ожидал, что я пойду туда, куда показал.

Петля захлопнулась мимо.

Я прошёл справа от неё, ухватил железный крюк с земли и ткнул поперечиной в верёвку у его запястья. Не в человека, а в узел. Медная нить лопнула с коротким сухим треском. Свет на кольцах погас.

Верёвка стала просто верёвкой.

Охотник, лишившийся натяжения, полетел на колени. Я не стал повторять чужую ошибку и подставлять ему голову. Отступил, вытянул крюк перед собой и увидел, как мужчина ищет ногой опору. Он ещё мог вскочить и достать нож. Честную драку я ему всё равно проиграл бы.

Схватил конец освободившейся петли, обошёл столб и дёрнул её навстречу противнику. Тот поднялся слишком быстро, наступил в собственную верёвку и рухнул на спину. Пока он ворочался, я приставил к его горлу собственный железный крюк.

— Лежи, — сказал я, стараясь не задыхаться. — У меня сегодня ученический день. Хорошо бы закончить его без новых упражнений.

Твердята отпустил рычаг. Я впервые услышал в его дыхании настоящую усталость. Кость, по всему видно, помогала ему принимать удары, но не делала быстрый бег с тяжёлым щитом приятной прогулкой.

— Берест, к стоку! — распорядилась Верея. — Твердята, прикроешь?

— Прикрою.

Они начали отходить, и противник сразу понял, что произошло. Из леса протяжно загудел рог. Слева к дороге вышел ещё один человек с луком. Не просто для обстрела: они собирались обойти нас ниже по склону, где сходились сток и старая тропа.

Я посмотрел на рог, валявшийся возле ворот. До него оставалось шагов пятнадцать. За ним лежал поверженный Вереей охотник; тот уже пытался подняться, придерживая руку. Меня отделяла от рога открытая полоса песка, простреливаемая из сосняка.

Рог из леса вёл стрелков, а передовой лежал у ворот. Если ответить за его хозяина, можно выиграть несколько вдохов.

— Верея! — позвал я. — Сможешь ещё раз открыть ворота?

— Я не хочу открывать ворота. Там лучники.

— Поэтому я и прошу. Только на миг. Мне нужен рог.

Она дождалась, когда Твердята поднимет щит, и сама шагнула вперёд. Отметила взглядом лесного стрелка, затем выскочила за столб, ударив древком копья по воротной жерди. Та

распахнулась наружу, закрыв мне часть дороги. Я пробежал по её внутренней стороне, пригнув голову. Упал на одно колено, протянул руку — рог был почти у меня в пальцах.

Охотник, лежавший у колеи, оказался живее, чем мне хотелось. Он схватил меня за сапог и потянул. Я ткнул его здоровой ногой в грудь, не особенно благородно. Он отпустил. Я схватил рог, скатился обратно под прикрытие жерди, и в ту же секунду её пробила стрела.

С треском.

Древко прошло насквозь там, где только что была моя шея. Я отшатнулся, ударился затылком о землю и на миг перестал слышать ничего, кроме собственного дыхания.

Потом Верeya ухватила меня за ворот и рывком втащила за стенку.

Я приложил рог к губам. Последний раз мне давали подобный на деревенском празднике, когда надо было подзывать поросят. Поросята не пришли, зато сбежались дети. Но другой науки у меня не было.

Из рога вышел жалобный хрип.

Снова вдохнул. На этот раз я вытянул долгий звук, похожий на лесной сигнал, выдержал паузу и дал два коротких. Получалось грубо, зато порядок был знаком охотникам.

Из сосняка тотчас ответили. Один человек свистнул слева, второй справа. Затем с левой стороны раздался раздражённый окрик:

— У ворот кто?!

Вот это оказалось особенно приятно. Они не знали, кто подал сигнал. Теперь им предстояло выяснять — или стрелять в своих.

Я подал сигнал снова. Снаружи кто-то приказал лучникам вернуться к дороге. Один побежал через мокрый песок, другой вскинул самострел в сторону ворот. Они приняли рог за просьбу о помощи от своего человека. И действительно помогать ему собирались — ценой потерянного времени.

Верeya воспользовалась им сразу.

— Берест, к стоку. Лука — за ним. Твердята, прикрой задний проход. Лошадей выведу по одной через скотную створку. Крапиву поведу сама.

— А этот? — спросил я, кивнув на поверженного охотника.

— С ним разберутся его товарищи, — ответила Верeya. — И пусть знают, что он жив благодаря нашему выбору.

Сток начинался под узкой калиткой, внизу у обрыва. По нему уходила с двора вода после дождей; сейчас там лежали прошлогодние листья, обломки веток и кусок протекавшего желоба. У кольев я подхватил свой нож. Мы спустились в него, пригнувшись под ольховыми ветками. Берест шёл впереди, прижимая локоть к груди. Верeya через соседнюю скотную створку выводила лошадей по одной на тот же склон, направляя их вдоль кромки стока, чтобы они не увязли в глине. Твердята пятился последним, не выпуская щита из руки.

Ни одному из нас не было удобно. Лошади упирались, мокрые ветви хлестали по лицу, а рог на моём поясе то и дело стучался о колено. Я напоминал себе, что хороший план не обязан быть приятным. Достаточно, если он не убивает людей.

Позади завопили:

— Они уходят вниз! К стоку!

Верeya развернулась на низкой ступеньке, упёрлась древком копья в край калитки и встретила первого преследователя, который полез за нами. Он выскочил без щита, зато с широким ножом. Её первый удар заставил его поднять руку. Вторым выбил нож. Третий пришёлся в бедро тупым концом и сбросил его назад, на другого человека. Оба покатались в жижу.

Она отступила, не задерживаясь ради ещё одного красивого удара. За минуту до того я бы сказал, что такого мастерства хотелось бы увидеть побольше. Сейчас хотелось только, чтобы она успела спуститься к нам.

Старик перевёл щит на другой бок и спрыгнул последним. По мокрому краю стока ударила стрела; человек с самострелом пытался стрелять сверху, но мы уже ушли под ольховый навес, где трудно было разглядеть цель. Пока он искал угол, мы ушли вниз по склону.

— Дальше по низу, — сказал Твердыта. — До ручья. Потом на старую дорогу.

За ручьём склон стал круче, потом вышел на сухой песчаный гребень. Там мы остановились. Под соснами уже стояла густая темнота; на дороге за холмом ещё слышались чужие голоса. Охотники искали нас. Не очень спешно — вероятно, собирали раненых и решали, стоит ли идти в ночь за людьми, которые отбились от подготовленной ловушки.

— Есть другая дорога? — спросил я.

— Есть. — Верея задержала взгляд на моём добытом роге. — Ты и сам, кажется, очень хочешь узнать, куда она ведёт.

Береста усадили на сухой камень. Верея осмотрела рану при свете маленькой лампы: наконечник сидел неглубоко, в верхней части плеча, не задев сустав. Твердыта придержал его, пока она извлекала древко и промывала рану. Берест стиснул зубы, потом всё-таки выругался. Я дал Бересту рукоять ножа — держать поперёк ладони. Он не признался, что так легче, но вернул нож только после перевязки.

— За сегодняшнюю помощь я должен тебе жизнь, — сказал он, когда смог говорить ровно.

— Можешь начать с половины ужина. На жизнь мы ещё поторгуюемся.

Он усмехнулся, а потом вдруг протянул мне руку. Здоровую, разумеется. Мы пожали друг другу ладони. Ещё утром он смотрел на меня как на пленника. Теперь пожал руку по-дружески. Мне это нравилось.

Твердыта присел напротив, снял с щита одну уцелевшую стрелу и принялся проверять её древко на сгиб.

— Ты применил мой урок, — сказал он.

— Которую часть? Что у меня ноги плохие?

— Ту, где надо смотреть на человека, а не на железку у него в руке. И на то, где он намерен оказаться через шаг. Только ты добавил ещё кое-что своё.

— Чужую верёвку сломал.

— Вот именно. Хороший воин сперва сражается тем, что умеет. Ты пока умеешь чинить и портить вещи. Сегодня этого хватило.

— Значит, завтра научишь меня железным мечом?

— Завтра сначала покажешь, как держать нож, чтобы его у тебя не выбивали с первого раза.

Верея вернулась от лошадей, сняла перчатку и присела рядом со мной. У неё на скуле была узкая красная полоса от щепки. Совсем небольшая. Я заметил её только теперь.

— Ты мог погибнуть, пока тянулся за рогом, — сказала она.

— Мог. Ты мне уже третий раз это объясняешь. Я начинаю подозревать, что тебе не хочется меня хоронить.

— Ты мог попросить Твердыту.

— А он и так нас прикрывал. И у него плечо болит. Мне же, кроме приличных сапог, пока почти нечего терять.

— Не повторяй последнюю глупость. Людям, которые начинают так рассуждать, обычно приходится доказывать, что они ошиблись.

Верея достала из сумки узкий полотняный лоскут, смочила его водой и протянула мне.

— Щёку вытри. Кровь уже на подбородке засохла.

Когда мы поехали дальше, в груди у меня осталось странное, непривычно тёплое чувство. Я действительно испугался на дворе. Не раз. Пару раз хотел забиться в самое дальнее стойло

и дожидаться, пока всё закончится без меня. И всё-таки сумел что-то изменить сам. Остальное сделали люди, рядом с которыми хотелось научиться держаться.

Сигнальный рог болтался на моём поясе. Берест, поглядывая на него, спросил:

— Оставишь себе?

— Разумеется. Первый мой боевой трофей.

— Ты ведь его с земли поднял.

— Вот. Победил землю, и она отдала.

Спустя какое-то время лес расступился, и мы выехали к реке. Она текла глубоко внизу, между чёрными берегами, и даже в темноте была видна светлая полоса воды под туманом. На нашем берегу стояли два каменных быка старого моста. Между ними висели ржавые цепи. Доски начинались у самого края — и обрывались в воздухе после третьей опоры.

— Это и есть другая дорога?

— Днём была, — ответил Твердята.

С противоположного берега донёлся скрип дерева. Потом ещё один. Я смотрел, как далеко над водой, словно повинувшись чьей-то неторопливой руке, начинают двигаться целые пролёты настила. Один уходил к середине, второй поворачивался поперёк течения. Цепи звенели негромко, будто мост разговаривал сам с собой.

— Он что, строится? — спросил Берест.

— Нет, — сказала Веря. — Он выбирает, на какой берег сегодня вести.

Я слез с Крапивы и подошёл ближе. После охотников мне следовало бы мечтать только о постели и горячем ужине. Вместо этого я стоял у ночной реки, с разбитым пальцем, чужим рогом на поясе и таким интересом смотрел на невозможный мост, что даже забыл про больную щеку.

Сегодня я очень хотел узнать, что находится по ту сторо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.